

Образцовый самец

Автор:

Дарья Кузнецова

Образцовый самец

Дарья Андреевна Кузнецова

Мне повезло выжить при аварии на космической станции и попасть на обитаемую планету, жители которой оказались радушны, дружелюбны и очень похожи на людей. Вот только странности их множатся, а идеальность начинает всерьез пугать.

Хорошо, что попала я сюда не одна, а в компании настоящего полковника со спецназовским прошлым. Он хмур, грубоват, но зато – профессионал, который не даст погибнуть и даже, может быть, вернет нас домой.

А главное, он настоящий. И на фоне аборигенов его недостатки все больше мне нравятся!

Дарья Кузнецова

Образцовый самец

Глава 1

Маленький Большой взрыв

Когда на станцию напали, в это поначалу никто не поверил.

Обитавших здесь специалистов можно понять: служба безопасности так часто проводила учения в условиях, приближенных к боевым, что работники попросту перестали обращать на них внимание. Если в самом начале все дисциплинированно прятались там, где велел план обороны, то вскоре людям просто надоело тратить по два-три часа рабочего времени на ерунду. Идут эксперименты, прерывать их – неприятно, порой – очень сложно, порой – губительно для результатов, полученных за многие месяцы работы, а иногда даже и опасно.

Когда во время одной из тревог у генетиков сдохла какая-то очень ценная культура, научный руководитель «Черного лебедя» взбунтовался. И уже полгода длилась его партизанская война против начальника службы безопасности. На стороне первого выступало большинство ученых, на стороне последнего – почти весь ненаучный персонал. Они-то здесь отбывали вахту, а среди нашей братии борьба за место на новой станции порой в прямом смысле слова доходила до драк. И стоило ли это выдерживать, чтобы зря тратить время на месте!

Капитан станции, человек ответственный и серьезный, контролировавший на вверенной территории почти все, именно в этот вопрос не лез. Поскольку не лез не только он, но и высшее руководство, чуялся в этой конфронтации некий политический душок: похоже, спорили между собой не только два начальника, но и их покровители на самом верху. Впрочем, рядовых обитателей станции это мало заботило, главное, выговоров нам не делали и взысканиями не грозили.

В общем, когда истошно взвыла сирена, работы продолжились согласно утвержденному плану.

Мы с Леночкой как раз в этот момент спешили с обеда в макетный зал. Программисты должны были закончить расшифровку данных, полученных зондом «ЧЛР-46», которые сулили отличные перспективы.

– Василиса Аркадьевна, мы же не побежим в укрытие? – с надеждой спросила Лена, когда мы, вжавшись в стену, пропустили мимо маленькое стадо мужиков в легкой броне.

– Делать нам больше нечего! – согласилась я, продолжая путь. – Что-то черный полковник развоевался, суток же не прошло с прошлых учений!

Под сутками я по здешней привычке подразумевала период оборота двойной звезды, вокруг которой вращалась станция – чуть больше пяти с половиной земных. Новички обычно путались, но быстро привыкали.

– Может, проверка какая-нибудь?

– Думаешь, Гаранин все-таки выбил? – Я засомневалась. – Через голову Дениса Саныча?

– Ой, что тогда буде-ет! – протянула Леночка с восхищенным ужасом.

Остроту и пикантность ситуации с противостоянием придавал тот факт, что научрук тоже военный и они с безопасником в одном звании. Но наш Баев, белый полковник – старше, биолог из военной науки, мужчина большого ума и чуткости, а Гаранин – из боевиков, в полном смысле слова солдафон. Местные легенды расширяли его послужной список на все военные столкновения последних тридцати лет и наделяли всеми возможными наградами, но это добавляло ему любви только девочек из снабжения и аппаратной.

Черный и белый – конечно, по шахматной аналогии, да и внешне им подходило. Научрук благородно сед и чаще всего в халате, начбез – смуглый брюнет в черном форменном комбинезоне.

Когда мы вошли в макетный зал, один из огромных типов в броне наставил на нас нечто большое, агрессивного вида. Оружие, конечно.

– Вы обе, быстро туда! – Он махнул стволом в сторону.

– Не повышайте так децибелы, мы не глухие, – недовольно ответила я, но прошла, куда велели. Не из уважения, нам именно туда и нужно было.

В этот момент еще один в броне подскочил к пульту управления шлюзом и что-то начал с ним делать. На мгновение немного упала гравитация: отсек перешел на автономное существование.

– Да что вы себе позволяете! – подскочил к ним Андерсен, начальник программистов. – Прекратите ломать технику! Согласно штатному расписанию

вы не имеете права!..

К шлюзу обернулись все: у Джеймса крайне мерзкий и громкий голос. А еще он очень настырный и тошнотворно-правильный, связываться – себе дороже. Всех интересовало, как вояка станет выкручиваться.

Но он не стал. Выстрелил в голову. Та лопнула с тихим сухим звуком.

Немую сцену длиной в пару секунд разорвал слаженный визг Леночки и Ольги с другого конца зала.

– Всем заткнуться! – заорал один из бронированных. – Собраться в этом углу! Бегом! На пол!

Я, поспешно отведя взгляд от мерзкого зрелища, одной рукой обхватила свою аспирантку за плечи, второй – зажала ей рот и, шепотом попросив вести себя тихо, потащила туда, куда приказали. Перед глазами как наяву встала очередная памятка из разряда «если вдруг», которые, конечно, никто никогда не учит и читают только для того, чтобы убить время. Но вот, поди ж ты, врезалась в память!

Не спорить с террористами. Молчать. Не смотреть в глаза. Не ругаться, не качать права, сидеть и тихонько ждать спасения.

Если, конечно, Гаранин не обидится на бестолковых штатских и станет нас спасать. Я бы на его месте не спешила...

Тех, кто проявил меньшую расторопность, бронированные награждали тычками, сгоняя в кучу, как скот. Не знаю, почему начали только сейчас. Может, до сих пор пользовались полным равнодушием со стороны работников, чтобы «окопаться» здесь?

На пяточке, где разместили заложников, обычно проводили совещания и презентации, для чего из пола «выращивали» стулья и подгоняли проектор. Но сейчас тут было пусто, обеспечивать нас удобствами не спешили.

Тринадцать человек, десять моих и трое выделенных программистов, сконцентрировались возле меня и Майка, коллеги ныне покойного Джеймса. В отличие от начпрога, его зама на станции любили: редкий специалист, обаятельный, да еще симпатичный спортивный парень. Он и сейчас прикрывал широкими плечами остальных женщин – киберумницу Ольгу и физика-ядерщика Хему, мою подругу. Перед нами с Леной, прижавшимися к стенке, тоже уселись хмурые мужчины.

Порывания и окрики бронированных пресекли все разговоры и вопросы. Сбор заложников, к счастью, обошелся без новых трупов. Останки начпрога оттащили куда-то в другой угол, находящийся вне поля нашего зрения, за что я была искренне благодарна.

– Василиса Аркадьевна, что им от нас надо? – всхлипнула Леночка.

– От нас, наверное, ничего, – ответила честно. – Скорее уж от правительства...

– Эти из «Последнего дня», – через плечо шепнул Амадео Тотти, мой зам.

– Заткнулись! – рявкнул один из бронированных.

Лена дернулась и крепче вцепилась в мой халат. Я погладила ее по голове, сосредоточенно разглядывая пол и искоса наблюдая за перемещениями нападающих.

Их было всего пятеро. В непрозрачных снаружи шлемах, рослые, массивные из-за брони и с высоты моих полутора с хвостиком метров казавшиеся особенно огромными. Двое у входа, один – наверху, на эстакаде, четвертый возле нас – сторожем.

Сильнее всего беспокоил пятый. Он маячил в опасной близости от макета, болтался между пультами и гравитационной ловушкой в центре зала, чем приковывал напряженные взгляды всего отдела. Потому что одно неосторожное движение...

Астрофизическая часть «Черного лебедя» занимается изучением черных дыр и создаваемых ими пространственных проколов. X-I Лебедя, вокруг которой

вращается станция – это система из голубого гиганта и черной дыры, за которыми мы наблюдаем с помощью зондов. Макет же представляет собой микроскопическую черную дыру в гравитационно-вакуумной ловушке.

Если эти психи что-нибудь там собьют, в системе двух звезд ненадолго появится третья, еще одна маленькая черная дырочка. Становиться ее частью не хотелось никому, поэтому обстановка в зале была особенно нервной.

Если Део прав и это действительно «Последний день», ждать от них можно чего угодно. Религиозные фанатики, из психов психи. Идейные, с жесткой иерархией, готовые жертвовать собой и окружающими. Увы, чем больше мы узнаем о мире, тем с большим остервенением некоторые темные личности начинают отрицать очевидное. То есть руководит ими, конечно, кто-то умный и зарабатывающий деньги, но рядовые исполнители...

В общем, я очень надеюсь, что им действительно что-то надо от правительства, а не просто уничтожить станцию с показательной казнью «пособников режима».

И как они вообще сюда попали, со всеми предосторожностями и учениями Гаранина?!

Тишину макетного зала нарушал только тихий гул антигравитационной установки; обычно незаметный, сейчас он сильно давил на нервы. Если террористы о чем-то переговаривались, то по внутренней связи, неслышно для окружающих. Трое стояли почти неподвижно, словно и не люди вовсе. Еще двое порой ходили туда-сюда, и их шаги грохотали в гудящей тишине набатом.

Сильнее этих звуков выматывала только неопределенность.

Страшно мне... было. Всем было страшно. Део нервно сжимал кулаки – он мирный, милый, добрейшей души человек, но от страха или волнения делается злым и дерганым. И Майк храбрился, наверное, только ради девочек, и остальные мужчины инстинктивно втягивали головы в плечи, хотя держались.

Как и им, слишком бояться мне мешала Лена, которая успела удариться в истерику первой. Да и...

Стыдно паниковать. Начальник все-таки. Тетка, по отзывам, строгая, но справедливая. Надо же соответствовать народному мнению! И не трястись. И думать о хорошем. Нас наверняка спасут, служба безопасности на станции на высоте, а черный полковник хоть и вредный мужик, но офицер и не сволочь, до такой мести, конечно, не опустится.

Через некоторое время в движениях захватчиков как будто прибавилось нервозности. Трое стражей закрутили головами, стали переступать с ноги на ногу. Двое у входа начали скупно жестикулировать, о чем-то споря.

– Василиса Аркадьевна! – тихо-тихо выдохнула Лена. – Что делать? Я... Я в туалет хочу... Очень.

– Лена, а потерпеть? – без особой надежды спросила я.

– Не могу уже... Я чаю напилась, и страшно еще!

– Заткнулись быстро! – отреагировал на наши перешептывания ближайший из бронированных.

Мгновение подумав, я медленно, стараясь не делать резких движений, подняла руку, как на уроке.

– Разрешите обратиться, господа налетчики!

– Чего тебе? – похоже, обращение подобрала правильно, террорист как минимум не выстрелил молча.

– Нам бы в туалет сходить.

– Под себя сходите! – рыкнул второй.

– Пожалуйста, а то девушка стесняется. Нам далеко не надо, вот в тот угол хотя бы, где пальмы.

– Василиса Аркадьевна!.. – сделала страшные глаза Лена, пунцовая от смущения.

- Бегом! – разрешил первый.

- По одной, – добавил второй.

- Так быстрее получится, честное слово. И без истерик, – предупредила я, поднимаясь на ноги и поднимая Лену.

- Бегом, – более добрый махнул рукой, и второй на этот раз не стал спорить.

- Василиса Аркадьевна, я же не смогу, здесь же...

- Лена, жить хочешь? Тогда не ной, – шепотом рявкнула я, едва ли не волоком таща аспирантку за собой в противоположную сторону макетного зала. Там имелся зеленый уголок – из мелкого гравия и негустого «подлеска» торчало несколько крупных декоративных растений.

Лена очень специфическая девочка. Она большая умница в том, что касается науки, но во всех других сферах – слабое, неприспособленное к жизни существо. Капризный комнатный цветок, способный умереть от неосторожного взгляда. Что поделать, отец растил ее один, души в дочке не чаял и защищал от всего мира. Перестарался.

Я присмотрела ее на четвертом курсе, взяла под крыло и в чем-то заменила ей мать – по возрасту-то вполне гожусь. Да и для меня Леночка стала уже совсем не чужой. Хотя, конечно, если у меня когда-нибудь появятся дети – при современной продолжительности жизни и технологиях регенерации я в свои сорок шесть еще о-го-го! – сделаю все, чтобы они не выросли похожими на Лену. Потому что мучиться, рожать, потом тратить годы и мегаватты нервных импульсов на воспитание ради того, чтобы дети эти убились, оставшись в двадцать лет без присмотра, – на мой вкус, бессмысленная трата времени.

Макетный зал высотой семь метров имеет форму цветка с тремя лепестками. В сердцевине расположена защищенная силовым полем платформа гравитационной ловушки, вокруг нее – плотная сетка приборов. Следующее кольцо – пульта и рабочие станции. На потолке по центру – ответная платформа ловушки.

Сердцевину на высоте трех метров окаймляет открытая эстакада, разделяющая лепестки на два яруса.

В одном лепестке на обоих уровнях – зеленый уголок. Во втором – сейчас сидели заложники, ярусом выше – сияла яркая, наглядная голографическая модель нашей системы, возле которой обычно работали астрофизики, изучавшие не черные дыры, а саму двойную звезду со всеми ее планетоидами. Третий лепесток занимали программисты и техники, а над их головами размещалась зона отдыха.

Входов в зале два, один над другим на разных уровнях, напротив зеленой зоны. И если основной шлюз не заметить сложно, то второй, ведущий в жилой отсек, дизайнеры тщательно замаскировали теми же панелями «под дерево», что украшали весь верхний ярус.

Когда бабахнуло, малиновая от смущения Леночка как раз вылезла из-под кустов. Я опять обхватила ее одной рукой за плечи и потянула вниз, на пол, под ближайший пульт. Потому что гравитация опять скакнула: кажется, нас начали штурмовать.

Бабахнуло у второго выхода, хотя понять это при здешней акустике было сложно. Зашипело, захрюкало. Закричали девчонки. С противным хлюпом и грохотом брони на пол со второго яруса рухнул обгорелый труп террориста, прямо возле нас.

Леночка испуганно булькнула, я тоже поспешила отвернуться, борясь с подступившей к горлу тошнотой.

Надсадно взвыла вентиляция. Загрохотали бронированные ботинки.

Откуда-то слева дохнуло жаром. Запульсировал на грани ультразвука, пробирая холодом по спине, сигнал тревоги.

Вот сейчас мне стало по-настоящему страшно.

– Сиди тут, не высовывайся, – велела аспирантке. А сама, шипя под нос ругательства, на четвереньках переползла к соседнему, контрольному, пулту.

Рабочее место оператора только что сжег чей-то «меткий» выстрел, но доступ к нужным узлам, к счастью, имелся не только там.

Чтобы не высовываться и не тратить зря время, я цапнула из ложемента нейроконттакт и забила под пульт, прилаживая липкий аморфный шарик к виску.

Не люблю нейротерминалы.

Установку я знала отлично. Все знали; не то оборудование, в работе которого можно позволить себе не разбираться. Экспериментальная, ненадежная, с открытыми контурами управления – это тебе не простой ядерный реактор, тут любое неосторожное движение может обернуться катастрофой. Ее поэтому и построили здесь, на станции. Вернее, станцию построили во многом ради макета и там, где он уж точно не навредит человечеству. В худшем случае людям грозила только потеря «Черного лебедя».

И этот худший случай, похоже, наступил. Установка пошла вразнос. От выстрела выгорела часть генераторов, остальные работали на пределе мощности и готовились последовать за товарищами. Как назло, система аварийного сброса макета тоже не отвечала: автоматика заявляла, что люк заблокирован.

Начала подозревать, что именно в этом состояла цель террористов. Просто потому, что поверить в случайность такого стечения обстоятельств еще сложнее...

Судорожные попытки остановить катастрофу были прерваны резким рывком за плечо.

– Черную дыру в задницу, ты что делаешь?! Сказано – в укрытие! Гражданские!..

Нейрик отреагировал на внешнее прерывание, и вместо системного интерфейса перед глазами возникло искаженное злобой лицо. Я не сразу поняла, что это не террорист, свой.

Надо же, и правда – спасти пришел. Сам.

– Я как раз пытаюсь этого избежать, не надо повышать на меня децибелы. И руку уберите.

Пальцы Гаранин разжал, кажется, только от неожиданности. Я успела схватиться за пульт, а то грохнулась бы обратно на пол. Оглядевшись и не обнаружив поблизости бронированных террористов, выдвинула себе из пола кресло. И отложила нейрик.

– Избежать чего? – все же спросил вояка.

– Черной дыры в заднице, – пояснила ему. – Но вы пока все-таки отдайте приказ об эвакуации станции, у меня таких прав нет. А то общая сигнализация, кажется, выведена из строя теми бравыми молодчиками.

Надо отдать должное черному полковнику, слушать он умел и соображать тоже. Не случайно дожил до своих лет, хоть в этом нам всем повезло. Пока я пыталась договориться с установкой, Гаранин залаял в рацию. Фигурально выражаясь, конечно; просто у него очень резкий, грубый голос и отрывистая манера говорить. Если не вслушиваться, кажется, что где-то неподалеку лает здоровенный такой, злющий кобель. Интересно, это природные таланты или результат долгих тренировок по выработке командного голоса?

А еще полковник не лез под руку. То есть навис надо мной, упираясь одной ладонью в край пульта, второй – в спинку кресла, вперился в экраны с таким видом, словно что-то понимал в происходящем, но все это молча.

– Эвакуация окончена, – через несколько минут прозвучал над головой голос Гаранина.

– Шли бы вы тоже к шлюпкам, – через плечо предложила я.

– После вас, – возразил полковник.

Я искоса глянула на мужчину. Он выглядел поразительно спокойным и собранным, даже чему-то улыбался уголками губ.

– В таком случае предлагаю поучаствовать в эксперименте, – решила я, запуская эмуляцию другого рабочего места. Как все же удачно, что мне подвернулся именно контрольный пульт!

– Какого рода?

– Я отсоединю отсек от станции, так удастся сохранить все остальное оборудование. И запущу прототип. Может быть, он заработает, и мы тоже выживем.

– Запускайте, – легко согласился полковник. – Прототип чего?

– Генератора.

Гаранин все понял правильно и умолк, я даже разрешила себе немного отвлечься и вырастить для него кресло: почти везде на станции пол покрыт толстым слоем полиморфного материала, который позволяет такие вот развлечения. Сложный прибор так не создашь, а мебель – запросто. На «Черном лебеде» другой вообще нет, все столы, кровати и стулья – из него.

«Отстрел», к счастью, прошел штатно, наш модуль переключился на самообеспечение и двинулся по заданной траектории к нужной орбите. Кажется, его немного клонило в сторону, но тут я положила на автоматику и маневровые двигатели.

Вокруг платформы гравитационной ловушки началось шевеление: приборы расползались в стороны, уступая место поднимающемуся из пола открытому тору, ошестиненному разнокалиберными наростами и петлями кабелей.

– Что это? – не выдержал полковник.

– Прототип, – прозвучало почти нежно.

Сомнения Гаранина можно понять: не участвуй я в создании этого агрегата, тоже не рискнула бы доверить ему жизнь. Да я бы и сейчас не доверила, но выбора не было.

То есть, конечно, был: сбежать, бросить станцию, спустить в черную дыру – в прямом смысле слова – несколько лет работы и прорву денег, вложенных в создание этого передового форпоста научной мысли. Деньги не мои, наработки можно восстановить, а я – не герой с горящим взглядом. Но... загубить «Черного лебедя» не поднималась рука.

Да и страх куда-то пропал. Вот как подключила нейрик, так и прекратили дрожать пальцы, перестал скакать пульс, мысли закончили зацикливаться вокруг возможных картин гибели. Стоило заняться привычным делом, и происходящее начало восприниматься как обыкновенный эксперимент, когда все просчитано, предусмотрены пути отхода, техника безопасности соблюдена, риски взвешены и заложены в программу испытаний с солидным запасом прочности. Никак не получалось осознать, что мои нынешние действия – буквально самоубийство. Положиться на непроверенную теорию, довериться аппарату, который еще ни разу не запускали в рабочем режиме...

Мы ждали результатов с «ЧЛР-46», и только после их анализа собирались запускать прототип – наладив дальнюю связь, отодвинув модуль на безопасное расстояние от станции. Но чуть-чуть не успели.

Генератор басовито загудел. Я откинулась на спинку кресла: больше от меня, кажется, ничего не зависело.

– И что генерит этот генератор? – воспользовался паузой Гаранин.

– Вы слышали о белых дырах?

– Которые как черные, но наоборот? Но это вроде воображаемая штука, нет? – удивил меня полковник шириной собственного кругозора.

– Теоретически их существование возможно. И даже в какой-то мере неизбежно. По основной теории, белая дыра возникает на противоположном конце пространственного искажения, созданного черной дырой, в момент коллапса последней. Ну, проще говоря, при определенных условиях черная дыра схлопывается и выплевывает всю свою массу в другой точке Вселенной в виде потока элементарных частиц. Вот этот возникший буквально из ниоткуда поток и является белой дырой, которая, выдав единственный мощный импульс, перестает существовать. Такой себе маленький Большой взрыв. На похожем

принципе, кстати, основаны двигатели дальнего сообщения, хотя далеко не все теоретики с этим согласны.

- То есть? Двигатели двести лет работают, а вы до сих пор не знаете как?

- Для того чтобы использовать результаты какого-то эффекта, совсем не обязательно знать точный механизм, - пожала я плечами. - Человечество всегда так делает, во всех науках полно эмпирических зависимостей и коэффициентов.

- И куда нас выкинет эта штука?

- Теоретически - никуда, - осторожно ответила я. - Прототип должен... ну, будем считать, вывернуть нашу дырочку наизнанку и заставить ее коллапсировать. То есть она лопнет где-то там, а здесь мы получим белую дыру и зарегистрируем выброс материи. Теоретически.

- Значит, даже при штатном срабатывании и подтверждении всех прогнозов эта штука жахнет?

- Почему? - растерялась я.

- Потому что выброс вещества - это взрыв.

- Ловушка должна выдержать, - заверила я. - Еще сколько-то минут она проработает, а прототип уже почти вышел на расчетную мощность.

- Может, нам лечь?

- Вы, конечно, ничего, но сейчас точно не время и не место, - возразила я, искоса окинув мужчину оценивающим взглядом.

- Тьфу! - ответил Гаранин, но продолжить не успел.

Прототип натужно завыл, откуда-то посыпались искры. Мигнул и потускнел свет, ослабла гравитация - система жизнеобеспечения перешла на резервный контур. Я потянулась к пульту, но в следующее мгновение какая-то сила сдернула меня с места и впечатала в пол, да еще придавила сверху. Кстати, очень больно: если

полиморф приятно пружинил, то броня начбеза на ощупь была очень твердой.

– Да что вы себе...

Но высказать возмущение до конца я не успела: по глазам ударило вспышкой, уши заложило от грохота, а потом навалилась темнота.

Глава 2

Среднестатистическое чудо

Пробуждение оказалось под стать всем предыдущим событиям. Меня неласково тряхнули за плечо, рявкнули почти в ухо:

– Подъем!

Дернулась, села, одновременно открывая глаза и пытаюсь сообразить, где я и что происходит. Причем очнулась с ощущением чего-то хорошего. Но, судя по окружающему, это самое «хорошее» было просто приятным сном и ничем больше. Сразу вспомнились и террористы, и искрящий прототип, и как Гаранин швырнул меня на пол. Полковник и нависал надо мной сейчас.

Лучше бы наоборот: приснилось все это, а приятный сон оказался реальностью.

Впрочем, я придираюсь. Мы же живы, это само по себе чудо!

– Наконец-то, – проворчал Гаранин. – Вставай и пошли, пес знает, что у них тут водится. Надо найти укрытие до темноты.

– А где мы вообще? – спросила я, одергивая сбившийся халат. Обеими руками зарылась в волосы, хорошенько поворошила, вытряхивая какой-то мусор. В очередной раз мельком порадовалась, как удобны и практичны короткие стрижки, которые я носила со времен учебы.

Под ногами обнаружили остатки полиморфного пола станции. Почти правильный круг метров десяти в диаметре с дымящимся остовом прототипа в середине лежал на какой-то поляне под синим, привычного земного вида небом с серо-белыми облаками. Между ветвей проглядывало светило, один в один Солнце.

Лес вокруг был редким, прозрачным и совсем не страшным. Цвет листвы показался скорее бирюзовым, чем зеленым, но в остальном деревья выглядели нормально, зелень под ногами казалась обыкновенным разнотравьем, да и земля с песчаными проплешинами ничем не удивляла.

– В лесу. Ходу!

– Какое красноречие. Спасибо, я уже догадалась. Ладно, к черту подробности! Какая это планета?

Но заговорила я на ходу, шагая следом за Гараниным. Как бы мирно все ни выглядело на первый взгляд, водиться тут могло что угодно.

Кстати, вполне вероятно, оно уже завелось в нас и потихоньку жрало изнутри. Комплексная прививка, конечно, самообучалась и потенциально была способна защитить от любой заразы и паразитов, но кто знает, как она сработает на практике!

– Это у тебя надо спросить, куда нас твоя установка забросила.

– Для начала можно сказать спасибо за то, что забросила она нас на поверхность пригодной для жизни планеты, – обиделась я за прототип. – По теории вероятности, это один шанс из триллиона, если не больше!

– Я просто счастлив, что эта хрень нас не угробила! – Гаранин в негодовании остановился и обернулся, угрожающе навис надо мной. Привычная жизненная несправедливость: надо мной не нависают только дети лет до двенадцати, а начбез, хоть и невысок для мужчины, все равно не настолько мелкий. – Все вы, ученые, психи. На кой черт вообще работать с такой опасной установкой, которую нельзя просто вырубить?!

- Если бы в нее не начали палить, ничего бы не случилось!

- Если бы вы все действовали по инструкции, не пришлось бы спасать ваши задницы! - парировал черный полковник.

- Если бы вы не дергали всех своими учебными тревогами, мы экстренную ситуацию не посчитали бы очередной вашей блажью!

- Если бы вы хоть раз уложились в норматив, не приходилось бы повторять раз за разом!

- Мы ученые, а не солдаты!

- Прекрасно! Изучай! - Он широко повел ладонями, кажется, имея в виду окружающий лес. - И скажи, где мы теперь находимся!

- Я астрофизик, а не биолог, - упрямо поправила его. - Могу заверить, что местная звезда - желтый карлик, спектрального класса...

- Я восхищен! - перебил полковник, негодуяще всплеснув руками.

Пару секунд мы с ним мерились взглядами, после чего Гаранин сплюнул под ноги, опять развернулся и зашагал через лес. Мне ничего не оставалось, как двинуться следом.

Поговорили. Не с той ноги он, что ли, встал? А вчера, то есть на станции, такое хорошее впечатление произвел, я даже подумала, что зря мы его солдафоном называли! Но нет, солдафон и есть.

Конечно, если совсем честно, доля истины в его словах имелась. И немалая доля. Инструкцию мы действительно нарушили, и это действительно привело к печальным последствиям. Я раньше даже готова была признать его правоту и извиниться по меньшей мере от лица своего отдела. Но сейчас передумала. Терпеть не могу, когда на меня голос повышают. И крикунов благодаря отцу не люблю с детства, а Гаранин, похоже, из них. Жаль.

Полковник шагал твердо и уверенно, не оглядываясь и не проверяя, иду я за ним или нет. Заданный темп поддерживать было трудно, но окликать и о чем-то просить? Да вот еще. Не после всех его претензий.

Некоторое время я шла, мысленно ворча на начбеза. Потом... не то, наконец, проснулась, не то настигло осознание произошедшего, не то – все и сразу.

Это ведь чудо, самое настоящее чудо, что мы до сих пор живы. И террористы – сущая мелочь в сравнении со сработавшим прототипом. Правда, как именно сработавшим – непонятно, но везение фантастическое.

Только самая большая проблема состоит в том, что везти постоянно не может. И вполне вероятно, что лучше было погибнуть сразу.

Этот мир может оказаться враждебным. Возможно, мы уже больны чем-то по-настоящему страшным, что кончится мучительной смертью. Вон Гаранин уже проявляет агрессию. Пока борется с собой, но все же – вдруг это симптом?

И даже если нет, мы ведь можем оказаться где угодно. В галактике на другом краю Вселенной, в совсем другой Вселенной или в нашей, но в другом времени. На миллионы лет вперед или назад. Я не возьмусь даже гадать, какое именно пространственно-временное искажение создал прототип и куда нас зашвырнул!

А если так, есть ли смысл цепляться за жизнь?

С такими мыслями переставлять ноги становилось труднее с каждым шагом, я начала отставать. Подумалось, что, вероятно, это и к лучшему: потеряюсь, пойду на корм местной живности. Надеюсь, она не отравится...

Я так углубилась в вязкие, унылые мысли, что совершенно перестала смотреть по сторонам. Очнулась, только врезавшись в Гаранина, который остановился и обернулся, явно поджидая меня.

Точнее, врезалась бы – мужчина поймал за плечо чуть раньше.

– Привал, – скомандовал коротко.

Я равнодушно кивнула, так же равнодушно уселась на какой-то камень, куда махнул рукой полковник. Не спрашивая о безопасности, приняла из рук начбеза мешочек из какого-то эластичного материала, наполненный водой из реки. Сделала несколько глотков, вернула остатки – только для того, чтобы Гаранин вылил их мне на голову.

Негодующе вскрикнула, дернулась, едва не упала с камня.

– Ты рехнулся?! – подскочила я. – Что ты делаешь?!

– Бужу.

– Солдафон! Тупое животное! – выдохнула, в бессильной злобе сжимая кулаки. Не бить же его по броне, в самом деле! Потом не выдержала и все-таки замахнулась, пытаюсь отвесить пощечину.

Полковник легко перехватил мою ладонь, потом вторую, ловко завел руки за спину, оставив возможность только отбивать о броню ноги, брыкаться и ругаться.

Чем я и воспользовалась. Вложила в длинную тираду все, что думала о Гаранине с его методами, а потом... Потом силы меня вдруг оставили. Я поняла, что едва стою на ногах, а больше вишу в руках мужчины – колени подогнулись от слабости. А еще... плачу? Я что, правда плачу?!

Нервно, судорожно всхлипнула. Начбез ослабил хватку, развернул меня к себе лицом, обнял одной рукой, другой – неловко погладил по голове, позволив уткнуться лбом в твердое бронированное плечо.

– Ну вот, другое дело, – спокойно заметил полковник. – А то я начал думать, что что-то с тобой не так.

– А что, это вот – так? – пробормотала я. Отстранилась, чтобы вытереть щеки рукавом халата. Было неловко от такой сцены и не по себе от невозмутимости Гаранина. – Я с пяти лет, по-моему, не плакала...

– Когда лабораторная девочка в момент смертельной опасности действует с точностью боевого дроида, это наводит на мысль, что у нее с головой не в порядке, – отозвался мужчина. – Полбеда, если она просто шизоид. А если от страха умом тронулась? Я все думал, как тебя проверить. Но у тебя, оказывается, просто отложенная реакция на стресс. Вот этот ступор и истерика уже больше похожи на нормальный откат.

– Наорали вы на меня после пробуждения ради проверки? – спросила хмуро, все еще избегая смотреть на мужчину и озираясь по сторонам.

Остановились мы у небольшой речки – узкой, темной, быстрой. Она бежала по крупным камням вроде того, на котором я сидела, и пахла тенистой сыростью. Все как на Земле. Даже, можно сказать, хорошо, если бы точно знать, что мы находимся на территории Союза.

– Отчасти, – со смешком подтвердил полковник. – Наорать мне хотелось на вас всех, давно. А тут не сдержался.

Признание далось мужчине удручающе легко. Похоже, он и правда не видел в этом ничего ужасного и повышение голоса на окружающих полагал нормальным. Досадно. Но... что поделать, другого спутника у меня нет. Лучше пусть кричит, чем руки распускает, в самом деле. Потерплю как-нибудь.

– А как же серьезная подготовка и боевое прошлое? – все же спросила я, внутренне опасаясь лишиться еще и этой надежды. Такие про него легенды рассказывали! Неужели окажется, что полковник – штабная крыса? Да нет, не должен, слишком уж уверенно себя ведет...

– Потому и не сдержался. – Гаранин жестом велел следовать за ним и зашагал дальше вдоль реки. Проглотив тяжелый вздох и поморщившись от оплетающей ноги усталости, я послушалась. – В боевом прошлом таких под трибунал отправляли за неподчинение приказам.

– То есть правду болтали, вы действительно во всех последних конфликтах участвовали? И награды имеете?

– Не во всех, – поправил полковник.

Я подождала, но продолжения и пояснений не последовало. Похоже, вспоминать об этом сейчас начебу не хотелось. Или дело в том, что он в принципе не очень общительный тип?

- А куда мы идем? - решила я сменить тему.

Говорить на ходу оказалось трудно, сбивалось дыхание, но молчать тем более не хотелось. Слишком свежи еще были следы слез на щеках, и я опасалась, что, предоставленная самой себе и мрачным мыслям, могу опять не сдержаться. Теперь уже не из-за истерики, а осознав здравым умом всю безнадежность нашего положения.

- Туда, - Гаранин махнул рукой вниз по течению ручья. - Я, когда осматривался, нащупал там что-то интересное, похожее на следы цивилизации.

Осматривался он, надо полагать, не буквально, глазами, а с помощью какой-то техники.

- Нас что, выкинуло на обитаемую планету?! - не поверила в такую удачу.

- Дойдем - узнаем. Как тебя зовут-то хоть, лабораторная девочка?

- Василиса Аркадьевна, - ответила без особой надежды, что мужчина воспользуется полным именем. - А вас?..

- Захар. Можно Зар. И на «ты», не на пленэре.

- При чем тут пленэр? - опешила я.

- Ну там же все друг другу выкают и вежливые, - нехотя ответил Гаранин, хмуро глянув через плечо.

- На пленэре рисуют, там не выкают, - пояснила осторожно. - Это живопись на открытом воздухе. Может, вы раут имели в виду?

- Да пес с ним.

И опять – поговорили.

Насколько же сложный все-таки человек. Не верится, что у них с Баевым есть что-то общее! Что значит разные рода войск, разные обстоятельства службы и разные характеры, а! Денис Александрович – интеллигентный, порядочный до кончиков пальцев, ну просто офицер из старинных романов времен дуэлей и легкой кавалерии. Всегда вежлив, предупредителен, никто от него грубого слова не слышал, при этом слушались беспрекословно и решительно все. Был бы чуть помоложе и не так безнадежно женат, я бы точно влюбилась.

А Гаранин... В общем, никакого сравнения.

Впрочем, я сама тоже не литр сахарозы. Ну резкий он, путает пленэр с раутом, зато про белые дыры слышал. Но главное, умеет выживать среди дикой природы, в отличие от меня, и не бросает балласт в лице навязчивой... лабораторной девочки.

– Захар, а расскажите, что случилось на станции? Ну, до того, как я запустила прототип. Что было нужно этим людям? Выкуп?

– Официально – да, – против этой темы Гаранин явно не возражал. И даже на удивление не стал напоминать о том, что в успешном захвате виноваты бестолковые гражданские. – Но для этого они выбрали наиболее неподходящее время и место, а еще были слишком хорошо подготовлены: знали коды безопасности станции.

– И что это значит?

– Много вариантов, – пожал плечами полковник. – Дело точно в больших деньгах. Либо только в них и в каких-то исследованиях, которые вы проводили, либо еще и политика замешана. Но оставлять персонал в живых явно было не в их интересах.

– Погодите, но тогда выходит, что персонал в спасательных капсулах должен был стать чьей-то добычей? И этой командой мы только поспособствовали исполнению плана?! – осознала я, и по спине пробежал противный холодок. – Не один же корабль у нападающих!

– Не один. – И без того всегда кажущийся хмурым Гаранин заметно помрачнел. Похоже, именно эти мысли и не давали ему покоя. Ладно, мы вроде как живы, повезло; но что с остальными? Я-то была уверена, что все в безопасности, а выходит...

А что – выходит? Можно подумать, имелись другие варианты!

Имелся. Не отвлекаться на эвакуацию, сразу сообразить и отстыковать макетный зал, тогда все остались бы на станции, и... и что? Вряд ли те, кто на нас напал, не предусмотрели этот вариант.

– Захар, а если бы персонал остался на станции, у них было бы больше шансов? – тихо спросила я через десяток шагов.

– Не знаю. Я не знаю, сколько кораблей у «Последнего дня», чего они хотели и по какому плану действовали. Высадились с одного транспортника, который прислал сигнал бедствия и попросил разрешения на стыковку. Потом, когда мы их заблокировали на шлюзовой палубе, присосалась еще пара десантных капсул, до того замаскированных. Готовились они ловить капсулы и держали наготове еще несколько кораблей или хотели разом уничтожить всю станцию – не знаю. Может, я вообще не прав, и ничего уничтожить они не хотели, а план состоял в другом. Не знаю, Вась. Можно только гадать. Но у рассеянной группы шансов выжить обычно больше. В смысле у какой-то ее части. Так что... – Гаранин передернул плечами.

– Ясно. Не называй меня так, пожалуйста.

– Как? – не понял полковник.

– Хочешь сокращать – Леся, Лиса, Лиса.

– Почему? – опешил мужчина.

– Потому что, если будешь называть меня Васей, имеешь все шансы при первом же удобном случае не проснуться.

– Какая ты свирепая, – рассмеялся Гаранин – так же неприятно, лающе, как говорил. Но угрозу, кажется, всерьез не воспринял. – Нет, Вася больше подходит.

– А если я тебя Харей буду называть? – возмутилась я.

– Да плевать. Зато смотри, как ты сразу выкать перестала! Чем тебя Вася-то не устраивает?

– Не люблю, – коротко огрызнулась я.

– В детстве, что ли, дразнили?

– Если скажу «да», это что-то изменит?

– Нет.

Ну вот, и снова – поговорили. Определенно, мне с этим человеком лучше молчать. Не зря мы его всей станцией избегали. Скорее бы уже дойти и...

А что, собственно, «и»? Я абсолютно уверена, что мы оказались не просто на поверхности кислородной, пригодной для жизни планеты, населенной разумными существами, но еще и входящей в Союз? Что нас сейчас тепло встретят, обрадуются и отправят домой? И Гаранина я больше никогда не увижу, поэтому можно позволить себе не искать с ним общий язык?

Стыдно признаться, но, кажется, да, именно в этом я и была уверена. Каким бы невероятным ни казалось подобное везение, принять как данность нашу с полковником оторванность от остального человечества по-прежнему не получалось.

Нет, пора уже потихоньку свыкаться с мыслью, что мне с этим человеком предстоит выживать вдвоем и ругаться с начбезом – последнее дело. Надо искать подход.

Правда, что ли, переспать с ним для уменьшения взаимной неловкости?

Я оценивающе оглядела стриженный затылок полковника. Если смотреть непредвзято, Гаранин весьма неплох. В отличной физической форме как минимум. Не красавец, да и обаятельным его назвать сложно, но и не противный. Никакой, честно говоря. Темные волосы, темные глаза, обыкновенное лицо с грубыми, тяжеловатыми чертами. Да у него, пожалуй, весь характер на этом лице написан, достаточно один раз взглянуть, чтобы понять: легко с ним не будет.

С другой стороны, во всем этом тоже есть определенная харизма. Суровый, властный мужчина, который привык командовать и способен убить недрогнувшей рукой. Жаль только, что я всегда предпочитала совершенно других мужчин. Не люблю, когда мной командуют.

ТЬфу, ну и глупости же в голову лезут! Даже если бы Гаранин мне очень нравился, обстановка все равно не располагает к интиму. Ну не под ближайшим же кустом нам устраиваться, в самом деле!

Представила себе реакцию полковника, когда я пристану к нему с непристойными предложениями на ближайшем привале, – как начбез начнет вырываться, отбиваться и пытаться спастись бегством. С визгом.

Развеселилась, даже идти стало легче.

Про бегство я, конечно, утрирую, Гаранин – мужик сильный и подготовленный, скрутит только так. Но точно решит, что я умом тронулась от страха. Нет, все-таки нужно искать другие пути и, главное, за собой следить, не огрызаться по пустякам. В общем, постараться привыкнуть к его манере разговора и – смириться.

Некоторое время я шла, пытаюсь выбрать достаточно нейтральную тему для разговора. О службе расспрашивать не стоит, если воевал – скорее всего, воспоминания будут не из приятных. Тем более что один раз полковник уже от этого разговора ушел, второй раз пытаться пока не стоит. О семье и домашних тоже лучше не спрашивать, вся станция и так в курсе, что он не женат, а выяснять подробности – только душу травить. Это у меня, кроме Леночки, близких, считай, нет, а Гаранин, может, о ком-то скучает и переживает, что никогда больше не увидит.

Окажись тут кто-то из моих, можно было бы обсудить происшествие, построить теории. Но я догадывалась, что на это ответит полковник: или что мне виднее, поскольку моя установка, или что нет смысла гадать, все равно никаких данных. И планету эту тоже толком не обсудишь, мы о ней ничего не знаем.

А впрочем...

– Захар, а у тебя в броне есть какие-то полезные приборы? – Я снова догнала мужчину и зашагала рядом, чтобы не разговаривать с его затылком. – Откуда ты знаешь, что воздух тут пригоден для дыхания, а воду можно пить?

– Своевременный вопрос, – усмехнулся полковник.

– Ну, лучше поздно, чем никогда. – Я твердо намеревалась следовать своему решению и не ввязываться в глупые споры, поэтому ответила спокойно и уклончиво. Пока он не кричит, я точно способна держать себя в руках, как бы ни хотелось ответить колкостью. Проверено.

– Есть, – кивнул мужчина. – Это стандартный комплект, он при необходимости выполняет функции легкого скафандра – в вакууме и при посадке в не очень агрессивные среды. Тут и радиацию есть чем померить, и микробов проверить, и обеззаразить тоже.

– А террористы в таких же были? Мне не показалось?

– У них следующая модель. Но контора та же. Таких скафандров вообще по Союзу и за пределами как пыли, удачная модель получилась.

– А почему вам новые не выдали? – любопытствовала я. За службу безопасности станции стало немного обидно.

– А зачем? – Он пожал плечами. – Там уже лет двадцать отличие только в дизайне и разных свистоперделках, которые на работоспособность не влияют.

– И броня не тяжелая? Или там какие-то усилители есть?

– Ну, ты бы, пожалуй, далеко не ушла. – Гаранин окинул меня скептическим взглядом. – С другой стороны, детских размеров у брони в принципе не бывает.

– А если в килограммах?

– В половину тебя, – не изменил полковник собственной манере. – Около двадцатки.

– Слушай, скажи честно, зачем ты меня дразнишь? – спросила я со вздохом. – Ну ведь намеренно же. Взрослый мужик, а ведешь себя как малолетний хулиган, который не знает, как выразить девочке симпатию.

Захар покосился с насмешливой полуулыбкой, неопределенно повел плечами.

– Ты забавная, – наконец решил полковник. – На воробья похожа. Сердитый воробей – это весело.

– Прекрасно. Единственный человек на многие миллиарды световых лет в округе не может придумать ничего умнее, как веселиться за мой счет!

– А почему нет? – Мужчина вновь пожал плечами, и я подумала, что разговор на этом опять окончен. Но полковник неожиданно продолжил, очень спокойно и серьезно: – Когда сердиться или смеешься – не до лишних мыслей и не до паники. Ты держишься хорошо, но не верю я, что не сорвешься. Это пока еще до тебя не дошло, в какой мы заднице.

– Да уж дошло, – поморщилась я. – Давай ты лучше будешь считать меня шизоидом, чем вот это все, ладно? Раз уж мы с тобой обречены на совместные скитания, вероятно, до конца жизни, не хочется ругаться, а я тебя такими темпами скоро ненавижать начну.

– Считать я тебя могу кем угодно, на возможности истерики это не скажется.

– Скажется, потому что это близко к истине. Я по жизни немного эмоционально заторможенная и очень рациональная, – пояснила терпеливо. – И муж со мной из-за этого развелся, и после я предпочитала в долгие отношения не вступать. С любовниками проще, им внимание за пределами постели не нужно.

– А зачем он тогда вообще женился?

– Да я откуда знаю? Наверное, думал, что ради мужа брошу работу и перестану там дневать и ночевать. Это вы только на словах грозные и хочется вам такую жену, которая не мешается под ногами. А по факту нужна та, которая окружит заботой и соплей подтирать станет... Стоп, нет, я несправедлива. Такая нужна была Антону, с другими я не проверяла.

– А ты зачем замуж пошла?

– Молодая была, глупая, влюбилась. Надеялась, что не придется выбирать.

Гаранин покосился с каким-то очень странным выражением в глазах, малость стеклянным, задумчиво кивнул:

– Вась, а лет-то тебе сколько?

– Сорок шесть, – призналась честно.

Полковник запнулся буквально на ровном месте. Я качнулась – подхватить его под локоть, но вовремя опомнилась и отдернула руки. Ну да, удержу я его, как же! Только сверху прилечу, если отцепиться не успею.

И правильно не полезла, мужчина и так устоял.

– Серьезно? Я думал, лет двадцать...

– Мелкая собака до старости щенок, – улыбнулась ему. – Но вообще-то я начальник лаборатории.

– Извини, – после короткой паузы хмыкнул Гаранин. – Это кое-что объясняет. Мне, выходит, еще и с попутчиком повезло.

– Мне тоже, – кивнула, подтверждая перемирие. – Ты... извини, что мы там, на станции, не слушались. Всегда сложно поверить, что подобное действительно может случиться.

– Да ладно, с вас какой спрос, гражданские! – великодушно простил полковник. – Начальника вашего, вот его точно прибить хотелось. Идиот. Военный вроде, должен понимать! Да хрен там. А с таким его отношением глупо ожидать сознательности от остальных.

– Не трогай Баева, – нахмурилась я. – Он золотой человек, умница, вся станция на нем держалась!

– Если бы у него звания не было, с него и спроса никакого. Надел погоны – обязан соответствовать, – отрезал черный полковник.

Я открыла рот, чтобы возмутиться... но закрыла. Не надо с ним спорить, без толку. Баеву никакой разницы, а я только опять с Гараниным поругаюсь. У него своя правда и система ценностей, выбить ее из взрослого мужика не стоит даже пытаться. Хорошо еще гражданские у него занимают место неразумных детей, от которых не стоит ждать взрослых поступков и за некоторые вещи, конечно, можно поругать, но без надежды на правильные выводы.

Но, учитывая события, которые привели нас на эту планету, спорить с точкой зрения Гаранина, пожалуй, не просто сложно, а бессмысленно. Прав-то в итоге оказался он со своими инструкциями. Такая вот жизненная несправедливость.

Еще хотелось высказаться и объяснить, что надетые погоны совсем не всегда означают грубые манеры и сомнительный лексикон вкупе с уставом вместо мозга, но тут я уже сдержалась волевым усилием.

На этом разговор опять прервался, и возобновлять я его не стала. Случилось то, чего до сих пор удавалось счастливо избегать: дорогу пересек глубокий овраг с обрывистыми берегами, кажется, слишком длинный, чтобы можно было быстро обойти, и полковник решил форсировать преграду.

Я довольно крепкая, за своей формой слежу, но лазать по сыпучим стенам никогда прежде не пробовала. И впредь предпочла бы обойтись без этого!

Одна наверняка свернула бы шею на таком крутом спуске, а с помощью полковника – ничего, справилась. Не знаю, как он умудрялся балансировать на таком откосе в своей тяжелой броне, да еще при этом поддерживать меня. И, честно говоря, знать не хочу, все равно мне подобное не светит. Осталось только

понять, какие высшие силы благодарить за такую удачу – со сработавшим прототипом, пригодной для жизни планетой и надежным спутником под боком.

Спустившись вниз, к бегущему по дну оврага ручью, мы снова остановились передохнуть. Гаранин проверил воду, опять набрал ее в тот фильтрующий и обеззараживающий мешочек, дал напиться, даже согласился полить мне на руки, чтобы могла умыться.

Хорошо, что это не безводная пустыня, опять повезло. Но уже начала беспокоить другая проблема – голод, хотя плакаться об этом я не стала. Вряд ли у полковника есть стратегический запас сухпайков, а ловить местную живность...

В общем, начбезу виднее, он наверняка понимает, что еда нам нужна, и если сможет, то решит этот вопрос.

Однако вопрос решил себя сам.

Меня вдруг сбила с ног какая-то тяжелая твердая туша – не сразу поняла, что это Гаранин. Плюхнулась спиной в ручей, холодная вода потекла за шиворот. Мужчина скатился с меня, проворно вскочил. В стороне раздался непонятный утробный, хриплый звук – и по глазам резанула яркая голубая вспышка, которая закончилась мерзким шипящим всхлипом и истошным визгом.

Последний отрезвил. Перед глазамиплыли яркие «слепые» пятна, но я забарахталась, пытаюсь выбраться из ручья и подняться, скользя в иле и тихо ругаясь себе под нос.

– Цела? – коротко спросил полковник, подхватил меня под мышки и поставил на твердую землю.

– Не знаю. Пока да. Теперь дело за прививкой, – пробормотала, пытаюсь проморгаться и прийти в чувство. – Что это было?

– Нами хотели подзакусить, но нам повезло. Вон местное зверье, полюбуйся.

– Не могу, я его не вижу, – ответила, уцепившись за Гаранина, который меня отпустил и, кажется, собрался куда-то сбежать.

– Совсем? – напрягся мужчина.

– Нет, просто от вспышки солнечных зайчиков словила, сейчас пройдет. Надеюсь. Это был выстрел?

– Да. Сядь вот здесь, если ослепило – должно скоро пройти. Я запасусь ужином. Надеюсь, эта тварь съедобна.

– Ты не знаешь, что это за животное? – спросила я с робкой надеждой.

– Впервые вижу.

Вскоре засвеченные пятна перед глазами действительно побледнели, и я смогла «познакомиться» с местным обитателем. Крупный зверь, около метра в холке, с лохматой серо-зеленой шерстью, длинной широкой мордой и крупными зубами. Вроде и привычного вида, но – другой, как весь окружающий лес. Явно родня, но с земными не спутаешь.

Ничего удивительного в этом, однако, не было. За время пристального изучения космоса люди выяснили, что наличие жизни на планете – не такое уж уникальное явление, и наряду с весьма экзотическими существами, построенными на совсем иных принципах, во Вселенной хватает вполне понятной белковой жизни, местами даже близкородственной земным видам. В том числе – разумной жизни. С некоторыми «братьями по разуму» мы оказались даже совместимы биологически, и смешанные браки никого уже не удивляли.

Не знаю, какие там теории на эту тему сейчас популярны у биологов, никогда не интересовалась, но лично мне всегда казались дикими докосмические представления об уникальности человечества. Ну нет во Вселенной ничего уникального, если уж нашелся какой-то интересный объект – его классификация и обнаружение многочисленной родни лишь вопрос времени. Это работает в микромире, это работает в макромире, так с чего бы вдруг это не должно работать на среднем уровне человеческого восприятия?

– Как хорошо, что хищник – одиночка, – заметила я, разглядывая труп. Гаранин отхватил ему задние, более мясистые, лапы и теперь пытался скрепить их так, чтобы было удобно нести.

– Не уверен, – возразил полковник. – Ты оклемалась? Надо убираться поскорее, не родня – так охотники за падалью набегут. Можно и их пострелять, но смысла нет.

Гаранин закинул связанные звериные лапы на плечо. С них капала кровь, выглядело это первобытно и весьма зловеще, хорошо еще броня темная, на ней не так заметны брызги.

Нож, какая-то веревка... до чего же многофункциональный костюм!

И мы опять пошли, теперь – вверх по склону оврага. Это оказалось немного проще, чем вниз, но извозилась я окончательно. Халат после взрыва-то уже не был белым, купание в ручье добавило разводов, а этот подъем окончательно добил. И халат и, похоже, меня. Но жаловаться я себе запретила и продолжила упрямо плестись за полковником. Не стоит осложнять ему жизнь своим нытьем и тем более проситься на ручки, пусть лучше охраняет.

Где-то через полчаса мы отошли, по мнению начбеза, на достаточно безопасное расстояние, и начали разбивать лагерь. Точнее, это я примазываюсь, все взял на себя Гаранин. Он с сомнением посмотрел на меня, спросил, умею ли готовить на костре, и, получив честное «нет», махнул на ствол большого поваленного дерева с наказом сидеть и не отсвечивать.

Сам же сложил костер, ловко напластал мясо, нанизал его на заготовленные вместе с дровами прутья, отложил в сторону и занялся подготовкой ночлега. Укладываться спать стали у вывороченного комля все того же рухнувшего дерева, под которым образовалась укромная пещерка. Встопорщенные, с комьями земли, белые корни производили жутковатое впечатление. Казалось, что они хищно шевелятся и ждут добычи, так что я бы предпочла держаться от них подальше. Но мнение это оставила при себе. Сама терпеть не могу, когда дилетанты лезут со своими ценными советами в дело, в котором ничего не понимают, не стоит им уподобляться.

Неведомый зверь на вкус оказался препротивным. С болотистым, гнилостным душком, горьковатый, а если учесть отсутствие соли и каких-либо приправ – то и вовсе мерзость. Зато, по заверениям полковника, он был вполне съедобным и безо всяких инородных включений вроде паразитов. К счастью, мясо хотя бы получилось мягким и хорошо прожаренным, не знаю уж, как Гаранин сумел

этого добиться. Наверное, опыт.

Все-таки мне очень повезло с попутчиком.

При наличии выбора такую дрянь, конечно, есть не станешь, но нам оставалось только морщиться и терпеть.

- Какая гадость, - проворчала я, с трудом проглотив очередной кусок.

- А он нам радовался, - усмехнулся в ответ полковник.

- Да я ему тоже рада, не голодать же. Но мечтать о чем-нибудь повкуснее это не мешает. Только мечтать теперь и остается...

- Не обязательно, - возразил Гаранин. - Тебя не смутило, что он напал?

- Меня не смущает даже то, что мы его сейчас едим, несмотря на сомнения в съедобности. Почему меня должны беспокоить его вкусовые пристрастия?

- Мы люди, мы жрем все, что шевелится. И у нас есть приборы, которые подтверждают пригодность этого в пищу. А у него - не было.

- Предлагаешь поделиться?

- Хищники не нападают на незнакомую добычу. Только совсем уж от безысходности. В лесу полно другой, более привычной живности, но он выбрал нас. Почему?

- Потому что мы больше? - предположила я со смешком. - Не знаю, где ты тут живность разглядел, я вообще ничего не видела... Ты к чему клонишь-то? Я в биологии не разбираюсь совсем, имей в виду.

- Ты не была отличницей в школе? - Гаранин недоверчиво вскинул брови.

- Нет. По медицине и биологии у меня натянутый трояк.

- Почему?

- Потому что я не люблю живое, - объяснила снисходительно. - Цифры и звезды гораздо интереснее. Что не так-то с этим животным?

- Оно посчитало нас за привычную добычу. - Гаранин решил не продолжать разговор о моем образовании. - Значит, тут водятся если не люди, то нечто очень похожее.

- Ах во-от ты о чем! Ну да, логично. Но получается, что люди тут недоразвитые и вообще дикари? Иначе бы звери скорее шарахались, чем нападали.

- Вероятно. Но это если я прав и звери похожи на нормальных. Может, они просто тупые и агрессивные.

- А у тебя в школе по биологии, наоборот, пятерка была? - заинтересовалась я.

- Только по физкультуре, - ответил мужчина весело. - Это не школа, это позднейшие навыки выживания. Обустройство лагеря в полевых условиях, защита от биоугрозы. Повадки хищников входят туда же.

- Ну ничего себе... Я думала, военных воевать учат, а это все туризм какой-то!

- Это примерно как сказать, что все ученые с микробами возятся, - усмехнулся Гаранин. - Специальности разные, учат разному.

- И чему учился ты?

- Выживать, - насмешливо отозвался полковник. - В любых условиях. И выполнять поставленную задачу.

- Это что за род войск такой?

- Дальняя разведка. Спецназ.

Я только и смогла, что уважительно кашлянуть в ответ. А начбез-то наш и вправду крут!

Дальняя разведка отвечала за открытие и освоение миров и контакты с новыми, неизвестными цивилизациями. Не то военные, не то спецслужбы – я никогда толком не знала, к чему они относятся, но зато, как и большинство обывателей, видела кучу фантастических боевиков про этих ребят. Конечно, если судить по фильмам об ученых, беспрекословно верить вымыслу режиссеров не стоило, но какое-никакое представление о службе ДаРа благодаря им имелось. Например, о том, что спецназ этого ведомства – такие особые люди, которые решают самые щекотливые вопросы в самых непредсказуемых обстоятельствах.

Мне, выходит, не повезло, а запредельно повезло: вляпаться в такую передрагу не просто в сопровождении опытного мужчины, но в сопровождении того, кто фактически всю свою жизнь к подобным приключениям готовился.

И «приключался», надо думать, регулярно.

– Как же тебя на нашу станцию занесло?

– Отдохнуть захотелось, можно сказать, на заслуженную пенсию вышел, – отозвался Гаранин. И я как-то сразу поняла, что соврал. Не знаю, почему и зачем, но соврал.

– А почему именно туда? У тебя такие навыки и опыт...

– Подвернулась удачно, – продолжил отмахиваться полковник. – Тихое, спокойное подведомственное учреждение. Почти курорт.

– Как это «подведомственное»? – растерялась я. – Мы же от Академии наук...

– Наивная женщина, – развеселился начбез. – Все исследовательские объекты в космосе, удаленные от обитаемых миров, принадлежат юрисдикции ДаРа. И многие не исследовательские тоже. Ты наелась?

– Да. Вернее, нет, но больше я это есть не могу.

– Значит, наелась. Иди ложись спать, я тут приберу, чтобы нам без завтрака не остаться.

– Я не смогу там спать, – призналась, с неприязнью косясь на вывороченные корни.

– Куда ты денешься, – и не подумал проявить сочувствие Гаранин.

– Там же насекомые! А если что-нибудь за шиворот заползет?! – поежилась от одной мысли об этом. – Омерзительно! Можно я лучше тут, снаружи?..

– Жить хочешь? – оборвал причитания полковник. – Тогда лезь в нору.

Умеет он уговаривать...

Глава 3

Рыбохотпчелоконтроль

Опасалась я правильно, толком выспаться в этом месте так и не получилось. Было душно, жестко, постоянно что-то мешало и куда-то не туда упиралось, песок и земля на коже заставляли ежиться, чесаться и ощущать прикосновения мерзких лапок насекомых. С одной стороны царапали и щекотали корни, с другой – больно давили неровности костюма Гаранина, который лежал с краю. Хорошо еще одежда, а вернее, многострадальный халат неплохо защищал от холода.

Кроме того, с наступлением ночи в лесу закипела жизнь, постоянно кто-то пробегал мимо, заставляя сжиматься и ждать нападения. А стоило закрыть глаза – и из темноты выскакивали террористы, мир взрывался цветными вспышками и погибал в огромной черной дыре.

Полковник несколько раз недовольно шипел, когда я особенно сильно дергалась, я шипела в ответ. Несколько раз забывалась в полусне, но быстро вскидывалась от очередного кошмара. Так и прошла ночь.

Не знаю, удалось ли отдохнуть Гаранину с такой беспокойной соседкой. Он выбрался из укрытия, когда снаружи едва-едва рассвело. Стало посвободнее, но в отсутствие мужчины я начала еще старательней прислушиваться к окружающему миру, вынужденная бороться, ко всему прочему, и со страхом остаться в одиночестве. То ли начбез уйдет и бросит меня тут, то ли его сожрет какая-нибудь местная живность...

В общем, долго я в одиночестве не выдержала и выбралась наружу, старательно отряхиваясь и ероша волосы. Хорошо, что они у меня черные, жесткие – сосульками не слипаются, грязь хотя бы не видна, пусть и чувствуется.

Радовали меня в это утро только практичность собственной прически и отсутствие рези в животе и тошноты: значит, вчерашняя неведомая зверушка усвоилась хорошо. В остальном настроение было отвратительным, да и погода – ему под стать. Зябко и сыро, в воздухе то ли частая морось, то ли редкий туман. С листьев печально капало.

– Там ручей. – Гаранин вместо приветствия махнул рукой в сторону. – Вода нормальная.

Я молча поплелась в указанном направлении. Уточнять, насколько он уверен в нормальности воды, не стала. Какая разница, в самом деле! Можно подумать, у нас есть выбор.

Ручей оказался достаточно большим и очень холодным. Я долго и старательно терла лицо, пыталась поливать себе на голову, чтобы промыть волосы, пока покрасневшие руки не свело от холода. Ни хорошего настроения, ни желаемой бодрости все это, увы, не прибавило.

– Ты в него упала, что ли? – спросил полковник, когда я опустилась на корточки у костра, протягивая к огню озябшие руки.

– Без комментариев, – ворчливо ответила, не глядя в его сторону.

Горячие язычки пламени слегка разогнали меланхолию. Но вскоре погода определилась, непонятное нечто превратилось в дождь, и идти куда-то окончательно расхотелось. Гаранин тоже не выглядел бодрым, но мы оба

проявляли взаимную сдержанность, не срывая дурного настроения. Это дома можно поругаться и спокойно разойтись, а здесь подобной возможностью обладал лишь полковник. Но благородно ею не пользовался.

Вот и оставалось обоим сидеть, недовольно кривиться в предвкушении завтрака, слушать стрекот дождя по листьям. И думать о том, что скоро придется плестись дальше через лес, и вряд ли у начбеза есть какой-то прибор, способный определить, насколько затянется непогода.

- Ты чего? - пробормотала я, когда Гаранин поспешно, одним пружинисто-хищным движением встал и пристально вгляделся в мокрую бирюзовую хмарь леса.

- Ты не слышишь? - напряженно спросил он, отстегивая от крепления на бедре оружие.

- Не слышу чего? - озадачилась я. И только теперь поняла, что стрекотал не дождь, больше того, звук явно приближался. Тоже медленно поднялась.

- За спину! - скомандовал полковник, и я послушалась безоговорочно, затаилась между бронированным мужчиной и ненавистным древесным комлем. Но через пару мгновений не выдержала и все-таки любопытно высунулась из-за плеча.

- Как думаешь, что это? Какие-то животные?

- Скоро узнаем. Если что - в нору, поняла?

- Да. - Высказывать в очередной раз собственное отношение к этому месту я не стала, уточнять, если что, - тоже.

А через несколько секунд на прогалину выбралась... выбралось...

- Оно живое? - шепотом спросила я, но Гаранин пристально следил за появившимся существом и не стал отвлекаться даже на то, чтобы предостерегающе шикнуть.

Больше всего оно напоминало какое-то насекомое вроде паука, но одновременно с этим механизм, потому что откровенно поблескивало металлом и не имело ни глаз, ни пасти. Огромное, метра три в высоту, с длинными суставчатыми ногами, оно ловко лавировало между деревьями, а на свободном месте возле нашего лагеря опустилось на брюхо.

На спине существа сидел мужчина. То есть человек. То есть совсем человек. Он не просто выглядел похожим на человека, в чертах его лица не было даже намека на инаковость. Если бы не экзотический транспорт, я бы точно решила, что мы попали на какую-то из колоний Союза.

Следом за первым из леса выбежала еще пара гигантских насекомых со всадниками, а чужак тем временем спрыгнул на землю.

Нет, насчет его обыкновенности я приврала. Да, это был человек, но был он потрясающе хорош собой. Словно ненастоящий, как лицо какой-то рекламной кампании, собранное стремящимся к идеалу дизайнером. Два метра ростом, фигура атлета, обтянутая эластичным серебристым комбинезоном. Белоснежные длинные волосы, собранные в сложную косу с какими-то вплетенными фитюльками – толстенную, с мою руку. Я даже на мгновение позавидовала подобному богатству. Глаза ярко-синие, большие, такие... затягивающие. Глаза от удивления при виде нас еще больше расширились. Потом совершенно очерченные губы тронула легкая улыбка – и мужчина что-то сказал.

Мой лингвистический имплант, увы, никак не отреагировал – этого журчащего, мягкого языка он не знал. А вот Гаранин вдруг ответил на том же наречии, чем еще сильнее озадачил собеседника.

– Ты что, знаешь этих?!

Полковник отрицательно дернул головой и вскинул руку, жестом прося меня замолчать.

С минуту они что-то обсуждали, к разговору присоединились еще двое мужчин. Тоже, кстати, сногшибательные красавчики – один такой же блондин, второй светлый шатен. Я ужасно страдала оттого, что не понимала слов, но, судя по тому, что оружие Гаранин опустил и даже как будто слегка расслабился, прямо сейчас нас убивать не планировали.

Потом полковник вовсе убрал пушку, и я почти успокоилась, даже немного высунулась из-за его широкой спины, чтобы лучше видеть. Через пару секунд начбез обернулся, подхватил меня под локоть и потянул к аборигенам.

Однако возникло неожиданное препятствие, шатен заступил ему дорогу и принялся что-то втолковывать. Внутри все заледенело от накатившей жути: что, меня они брать не хотят?!

Гаранин некоторое время препирался, причем аборигены махали руками на свои аппараты и что-то хором доказывали, а полковник упрямылся. Но потом, явно нехотя, сдался и обернулся ко мне.

– Значит, так. Мы с тобой упали, похоже, в заповеднике или заказнике, а это – местные егеря. То есть черт знает, кто они на самом деле, но лингва считает такой перевод наиболее близким.

– И что, нас за ту тварь сейчас расстреляют? – испугалась я. – Она жутко редкая и уникальная?

В это мгновение блондин номер два запрыгнул на своего зверя и пустил его, кажется, в ту сторону, откуда мы пришли. Решил похоронить останки?

– Нет, они даже не заикались о наказании. Наоборот, приятно удивлены, что мы выжили.

– А тут, случайно, не травят людей дикими зверями? Может, они как раз хищникам охоту устраивают?! – еще сильнее напряглась я.

– Да не похоже, – неопределенно хмыкнул начбез. – Они явно настроены дружелюбно и настаивают на том, чтобы отвезти нас в город, пока не пришли новые хищники. Но мне категорически не нравится желание нас разделить. Аргументируют невозможность ехать на одном транспорте не отсутствием места, а грузоподъемностью, и тут уже не поспоришь.

– А, ты об этом ругался! – облегченно вздохнула. – А то уж я подумала, меня вообще брать отказываются.

– Как раз наоборот, – возразил Гаранин. – Тебе они очень рады и еще поспорили за честь везти, а меня делили по остаточному принципу. У них к тебе слишком сильный и явный интерес, чтобы объяснять его только любопытством. И это нехорошо. Будь осторожна. Помни, аборигены – не друзья, и кто знает, что у них в головах.

– И что именно им от меня может быть нужно? – кисло спросила я.

Оставаться один на один с кем-то из аборигенов, даром что они те еще красавчики, совершенно не хотелось. Гаранин прав, это совсем не друзья и даже не обязательно люди. Вдруг они меня как деликатес воспринимают? А привлекательной внешностью заманивают...

– Всякое может быть, – поморщился полковник. – Но оставаться в лесу в любом случае не вариант.

Скептический взгляд, которым мужчина окинул мелкую меня в грязном халате, совершенно не обидел. Понятно, что один бы он где угодно продержался, но не с таким балластом.

– А откуда ты знаешь их язык, если с ними контакта нет?

– А я и не знаю. Это лингва расширенная, как у контактеров, с каким-то хитрым алгоритмом и кучей баз, она с лету умудряется переводить, – пояснил начбез. – Твоя самообучается?

– Вроде должна, но ей нужна база, – с сомнением ответила я.

– Хорошо. Если нас не разделят, займемся твоим обучением. Если разделят... Будь осторожна, я постараюсь тебя найти.

– Только сам никуда не вляпайся! – попросила с тревогой.

– Да уж сильнее вроде бы некуда, – Гаранин насмешливо подмигнул и подвинул меня к первому блондину. Видимо, именно этот абориген выиграл спор.

К нашему разговору он прислушивался с интересом и улыбкой, но не было похоже, что понимал сказанное. Надеюсь, что не понимал.

Блондин протянул руку. Я неуверенно оглянулась на Гаранина, но тот ничем не мог помочь, оставалось лишь принять приглашение. Предложенная ладонь была сильной, теплой и совершенно человеческой на ощупь.

Меня подвели к транспортному средству, потом обхватили обеими руками за талию и с легкостью подняли на спину паука. Там, утопленные в корпус, стояли два кресла, одно за другим, и мне досталось заднее.

Хорошо, что их представления об удобстве совпадают с моими! А то была я один раз на историческом фильме с эффектом присутствия, очень познавательном, с симуляцией верховой езды и всяких других древних развлечений. Несмотря на то что эффект явно смягчили, чтобы не травмировать нежную психику избалованных комфортом современных людей, на выходе я искренне радовалась, что живу совсем не в той эпохе.

Паук шел быстро и очень мягко. Между деревьями петлял ловко, без труда перешагивал кусты и буреломы, пересекал овраги, почти не снижая скорости, тело мягко покачивалось на виражах, сохраняя горизонтальное положение. Стрекотал вот неприятно, но в остальном – очень удобная штука, пусть и немного не по себе от отсутствия фиксирующих приспособлений. Однако я так и не смогла определиться, живое это насекомое или точный механизм. Может, что-нибудь среднее?

Я то и дело оглядывалась, опасаясь потерять из виду второго. Но если нас с Гараниным и планировали разделять, то не прямо сейчас. Егеря шли параллельными курсами, не теряя друг друга из виду, и я позволила себе немного расслабиться. Кажется, мы с полковником вытянули по-настоящему счастливый билет: ко всем прежним радостям добавились еще и высокоорганизованные аборигены с близкой нашей моралью. Поразительно.

Интересно, в чем причина? В случайное совпадение довольно сложно поверить, слишком большое получается везение. Значит, ключ в том, что случилось на «Черном лебеде» в момент запуска прототипа. Выходная точка пространственного прокола была выбрана не случайно, а каким-то образом самонавелась вот сюда. Каким? А черт ее знает!

Но если допустить, что мы остались в пределах собственной Вселенной и не слишком сильно прыгнули во времени, то... Прототип открывает широчайшие возможности. Это же удачный эксперимент по телепортации биологического объекта! Самый настоящий прорыв в науке, который...

В котором я смогу разобраться только после возвращения в Союз и при условии сохранности хоть каких-то данных эксперимента. А нас там наверняка уже похоронили, даже если остальные обитатели станции уцелели и не попали в руки к террористам.

«Если вернемся», - я окончательно спустилась из заоблачных бесплодных мечтаний в реальный мир. Станный, чужой, но, как говорится, данный в ощущениях. И лучше думать о нем, а не о работе!

Однако любоваться пейзажем мне надоело еще вчера, блондинистая длинная коса тоже наскучила, а дорога оказалась слишком долгой. Кроме того, несмотря на разумное опасение аборигенов, я все равно чувствовала себя спасенной и уже почти не тряслась за собственное будущее. И после непродолжительной внутренней борьбы все-таки отдалась роящимся в голове отвлеченным мыслям.

Очень жаль, что нет никакой информации. Ни показаний приборов в момент срабатывания прототипа, ни сведений о местном звездном небе, ни чего-то еще, что позволило бы хоть примерно оценить вектор и расстояние...

Впрочем, отсутствие показаний - это не такой уж тупик, если подумать. Можно же исходить из запаса энергии в прототипе, а ее было не так уж много.

Положим, достоверной и экспериментально подтвержденной оценки кривизны межгалактического пространства до сих пор не существует. Но той мощности, которой мы располагали в момент прыжка, не хватило бы на его прокол по любой из известных мне теорий. Значит, с наибольшей вероятностью мы остались в родной галактике. Даже, скорее всего, в нашем рукаве. Теперь уже мысль о том, что мы находимся на территории Союза, не казалась столь фантастичной. Тогда это, скорее всего, один из миров-заповедников, в которых обнаружена разумная жизнь, пока не готовая к контакту и подлежащая наблюдательному изучению.

Впрочем, все это работает, только если рассматривать перемещение в нашем, родном пространстве. Теория множественности Вселенных вполне правдоподобна и имеет право на жизнь, а наш прокол мог вести не вдаль, а вглубь. И тогда весь мой оптимизм рассыпается, как атом московия на свежем воздухе.

Разумеется, размышления эти не привели ни к каким результатам, но зато развлекли и совершенно успокоили. Поэтому, когда лес кончился, я пребывала в самом лучшем настроении за все время нахождения на незнакомой планете.

Кончился лес вдруг, очень неожиданно и резко. А следом началось нечто, чему я далеко не сразу сумела подобрать название.

Это была огромная и безукоризненно симметричная широкая коническая гора с чуть усеченной верхушкой, очертаниями похожая на нарисованный по линейке вулкан. По-настоящему огромная, особенно в сравнении с совершенно плоской равниной, она возносилась минимум на пару километров. За ней в дымке угадывались похожие силуэты, но разглядеть их за пеленой дождя не получалось.

На поверхности горы кишели транспортные средства, похожие на нашего паука. Они быстро перебежали по склонам и исчезали в норах, буквально изрешетивших каменный конус.

«Муравейник», – сообразила я наконец. Гигантский, населенный многими тысячами существ, копошащийся...

«Человейник», – всплыло в голове через пару секунд уточняющее. Я точно знала, что придумала это слово не сама и сейчас, а где-то когда-то вычитала, но вспомнить так и не смогла.

В любом случае ощущения это строение будило очень неприятные, хотя я толком не могла бы объяснить почему. Может, оттого, что я ненавижу насекомых и любые ассоциации с ними сами по себе вызывают отвращение?

Какая несправедливость! Почему столь красивые внешне, буквально совершенные существа живут в подобном месте? Глядя на егерей, я ожидала увидеть легкое каменное кружево домов-дворцов, роскошные сады и фонтаны,

но никак не вот это!

На первый взгляд казалось, что движутся транспортные пауки по человеянику хаотически, но вскоре я начала различать в их перемещениях некую систему. У местных явно существовали правила дорожного движения, пусть и непонятные с ходу.

Мы влились в общий поток, я заозиралась чаще и тревожней, боясь потерять из виду Гаранина. Но второй паук пристроился позади и не отставал. Сначала пару минут ехали по склону горы, потом – по тоннелям.

Внутри странный город оказался симпатичнее, чем снаружи. Аккуратные, просторные, прямые коридоры тянулись во все стороны. Свет испускали сами стены – приятный, теплого желтого оттенка, неясной природы. В основном достаточно однообразные, коридоры порой прерывались настоящими произведениями искусства: местами проходы украшались тонкими барельефами, иногда мы пересекали небольшие площади, в центре которых красовались своеобразные клумбы из крупных светящихся полупрозрачных цветных кристаллов и окружающих их, кажется, лишайников – рассмотреть подробнее я не успевала.

На нас глазели. И всадники, и пешеходы, которые начали попадаться в недрах странного города, останавливались и провожали взглядами.

А спустя некоторое время я поняла: не на нас, на меня. Потому что среди местных почти не было женщин. Смотрели со странным восхищением и ожиданием – это стало отлично заметно в глубине горы, где скорость заметно снизилась.

Наверное, если бы не это «почти», я бы заранее ударилась в панику и вернулась к самым нехорошим предположениям о том, куда мы попали. В сочетании с общим видом человеяника отсутствие женского населения наталкивало на зловещие мысли о королеве-матке и пресловутых жертвоприношениях. Но представительницы слабого пола все же попадались, пусть в небольшом количестве и совершенно обычные, не столь прекрасные, как их мужчины.

Утешало и то, что женщины перемещались вроде бы свободно и казались довольными жизнью. Не опускали затравленно взгляды, не производили

впечатления затюканных, а, наоборот, смотрели уверенно и прямо, с понятным любопытством.

Пешеходы перемещались по полу, а вот наш паук совершенно невозмутимо бежал по потолку, развернув ноги в суставах на сто восемьдесят градусов. С себе подобными на этом потолке, порой сбегая частью ног на стену, он расходился очень ловко и без заминок.

Мы углублялись все дальше в недра города, но на ощущениях это никак не сказывалось. Не было сырой затхлости и спертого воздуха, вполне комфортные условия. Похоже, несмотря на странный вид поселения, местные достаточно цивилизованны для создания надежной вентиляции, что не могло не радовать.

Запоминать дорогу я даже не пыталась, потерялась еще на втором повороте, зато с интересом разглядывала местных и стены. Правда, и то и другое скоро наскучило. Каждое светящееся панно выглядело прекрасно, но они быстро слились в одно.

Наряды местных озадачивали тем, что не имели половых различий. Подавляющее большинство жителей носило простые приталенные платья длиной до колен с разнообразными декоративными узорами, порой тоже светящимися, и юбками разной ширины. Эластичные комбинезоны вроде тех, в которых щеголяли наши егеря, попадались редко, только на спешащих куда-то всадниках – кажется, это было что-то вроде рабочей одежды или униформы. Пару раз я точно видела мужчин в штанах и свободных рубашках без рукавов, но скорее в порядке исключения.

Смотрелось это забавно. С одной стороны, ничего столь уж необычного: чужая культура, и в истории земных народов – это даже я знала! – порой тоже встречались похожие наряды. Но с другой – толпа brutальных мужиков в юбочках все равно вызывала неуместное и глупое веселье, которое я вежливо держала при себе, чтобы никого ненароком не обидеть. Что поделать, стереотипы, а земные мужчины подобного сейчас не носят.

Закончилась поездка в небольшом тупиковом зале с цветной клумбой посередине. Блондин легко спрыгнул на землю, рядом точно так же выгрузились второй егеря и Гаранин. Я уже приготовилась повторить маневр, все же высота небольшая, но делать этого не пришлось. Белобрысый с теплой улыбкой

протянул руки, чтобы достать меня со спины паука. Возражать я не стала, позволила крепко обхватить себя за талию, сама оперлась о широкие плечи.

Ладони на моих боках абориген, будто невзначай, задержал куда дольше необходимого и смотрел при этом слишком пристально, словно жадно принюхиваясь. Потом опять легко приподнял и потянул к себе, явно намереваясь прижать, но я поспешно уперлась ладонями в его грудь.

Стало здорово не по себе. Конечно, блондин был сногшибательно хорош, и мужское внимание льстило, но только где-то в глубине души. На первый план выступил страх перед непонятным чужаком, сдобренный острым осознанием собственной хрупкости и незащитности рядом с ним.

До чего все-таки огромный и сильный мужик! Ощущение, что упираюсь в камень. С таким попробуй справишься! Этот получит, что ему нужно, не особо интересуясь мнением жертвы, и еще повезет, если в процессе я выживу...

Однако всерьез запаниковать не успела, блондин все-таки разжал тиски своих лапищ и отпустил. Я тут же на всякий случай шарахнулась к подошедшему Гаранину. Он хоть грубый и вредный, но к моим женским прелестям в достаточной степени равнодушен. А главное, есть надежда, что начбез вступится, если вдруг местные проявят излишнюю настойчивость.

– А ты ему понравилась, – поддел полковник, от которого мои маневры не укрылись.

– Предпочитаю знакомиться с мужиками до постели, – огрызнулась, нервно одергивая халат.

Блондин что-то проговорил, хмурясь, Гаранин ответил. Взгляды, которые местный бросал на меня, не оставляли сомнений о предмете разговора.

– О чем вы говорите? – не выдержала я после нескольких реплик.

– Извиняется, говорит, что не хотел пугать, но ты ему так понравилась, что он не сразу взял себя в руки.

- Что, вот эти несколько слов так длинно звучат? - не отстала я, опять прервав разговор мужчин.

- Нет. Он несет фигню.

- Какую?

- Да погоди, - отмахнулся Гаранин.

Они еще немного поговорили, и блондин жестом попросил следовать за ним. Жест явно предназначался мне. Второй егерь замкнул процессию.

- Ну? - Я нетерпеливо подергала полковника за локоть. - Что там? Не молчи! Это же напрямую касалось меня!

- Надо срочно обучать твой языковой модуль, - проворчал мужчина. - Короче, если в двух словах, он заявлял, что очень хочет испытать с тобой восторг слияния и будет непередаваемо счастлив, если ты остановишь выбор на нем.

- А ты что ответил? - заинтересовалась я.

- Что тебе сначала нужно выучить язык и разобраться, насколько наши виды похожи. Он на сто процентов уверен, что все пройдет прекрасно, но согласен подождать и, конечно, не будет принуждать.

- И что, они все тут такие озабоченные? - Я бросила опасливый взгляд на блондинистый затылок. - И готовы прям без знакомства влезть на первую попавшуюся бабу?!

- Во-первых, женщин у них тут, насколько мы видели, подозрительно мало, так что, может, нет возможности привередничать. А во-вторых, озабоченная тут ты, - усмехнулся полковник.

- Это еще почему? - Обвинение ошарашило своей неожиданностью.

- С чего ты взяла, что под слиянием он понимает секс? - продолжил насмехаться Гаранин. - Переводчик вот считает это понятие совсем не таким простым, иначе

так и назвал бы.

– Ну, знаешь ли! – насупилась я. – Когда тебя лапают и так смотрят, волей-неволей подумаешь об этом!

– Не знаю, как-то не доводилось испытывать.

– Очень жаль, – огрызнулась недовольно. – Жаль, что ты этих ребят не заинтересовал!

– А ты чего орешь-то? – насмешливо уточнил начбез. – Сама хотела знать, о чем мы говорили, сама сделала поспешные выводы, а я виноват?

– Когда тебя тискают туша на полметра выше, в два раза тяжелее и на порядок сильнее, которая вроде бы не настроена тебя сожрать, зато явно способна изнасиловать, в ее платонические намерения поверить сложновато! – прошипела я, бросив на спутника злющий взгляд.

– Ты испугалась, что ли? – сообразил он наконец.

– Нет, я исключительно озабоченная тетка!

– Тихо, – оборвал Гаранин. Вроде негромко сказал, но прозвучало твердо, так веско, что все невысказанные слова неожиданно застряли в горле. Поймал меня за руку. – Ты женщина, гражданское лицо. Я несу за тебя ответственность. Подобного я не допущу, не волнуйся, только сама постарайся не нарываться.

– Спасибо, – глубоко вздохнув, выдавила я. Даже несмотря на произнесенные уточнения «если буду рядом» и «если буду жив», от этого обещания стало легче.

Все-таки здорово я перетрусилась под взглядом блондина, надо что-то с собой делать.

А впрочем, что можно сделать? О том, что ты маленькая и слабая женщина, легко забыть на работе, среди цивилизованных людей, для которых пол и физическая сила начальника не имеют никакого значения. Тут же... черт их знает, этих аборигенов, насколько они ушли от каменного века! На первый

взгляд вроде неагрессивные, а копни поглубже – и неизвестно, какие вскроются обычаи.

Разговаривали и выясняли отношения на ходу. Декоративное панно на стене оказалось дверью, за которой обнаружился небольшой зал – круглый, со скамейками по периметру, прерывающимися разноцветными вставками, такими же, как на входе. Блондин вместе с нами остался здесь, предложил сесть, но мы отказались. А второй егерь исчез за одной из дверей.

Интересно, все ли узорчатые панно, встреченные по дороге, были проходами? Может, и украшения на них не только украшения, а нечто вроде надписей? Увы, понимать письменную речь импланты не способны, даже самые продвинутые вроде гаранинского.

Повисла тишина. Блондин продолжал заинтересованно пялиться на меня, хотя рук больше не распускал. И заговаривать не пытался – кажется, понял, насколько глупо охмурять женщину через переводчика. А я продолжала жаться к полковнику. Потому что как бы ни ехидничал начбез над моей озабоченностью, какой бы смысл ни вкладывали местные в то, что называли «слиянием», а блондин разглядывал меня с откровенно мужским интересом. Ну мне же не десять лет, я уже давно научилась ощущать такие вещи!

Второй егерь вернулся через пару минут в сопровождении еще одного мужчины, на этот раз светло-рыжего, который выглядел несколько старше двух других, а вот одет был точно так же, в облегающий комбинезон. Тело под ним казалось не менее тренированным и совершенным, чем у младших.

Местные забросали Гаранина вопросами. Попытались и меня, но я только разводила руками. Полковник что-то коротко сказал старшему, видимо, о моей неспособности легко освоить незнакомый язык, и теперь мне доставались только любопытные взгляды.

Еще через несколько минут старший пригласил нас в следующую комнату, которая довольно сильно отличалась от остальных. Освещение тут обеспечивали уже встречавшиеся раньше кристаллы в специальных подставках, а стены были обыкновенными, каменными, со сводчатым потолком, украшенным по периметру широким бордюром барельефа с ненавязчивым геометрическим орнаментом.

У противоположной от входа стены – низкое просторное ложе, отгороженное легкой полупрозрачной занавеской, по левую руку – круглый стол в объятиях мягкого дивана, выгнувшегося подковой, справа – отдельное кресло, возле которого стоял большой тусклый шар на ножке, жемчужно-серый, без надписей и опознавательных знаков. Однако я каким-то десятым чувством поняла, что это совершенно точно не элемент декора. Скорее, некий прибор, только сейчас, похоже, неактивный.

Нам предложили сесть, Гаранин молча подтолкнул меня к дивану. Блондин тут же поспешил устроиться рядом, чем заставил насторожиться. Однако больше никаких провокаций вроде ладоней на коленках или спинке дивана мужчина не совершал, так что я опять расслабилась и волевым усилием заставила себя немного отстраниться от полковника, в чью броню вжималась уже инстинктивно при малейшем намеке на опасность.

Тоскливо было слушать незнакомую речь и нестерпимо грызло любопытство, но дергать Гаранина с просьбами перевести я больше не стала. Откинулась на мягкую спинку дивана, обвела пустоватую комнату осоловелым взглядом, потом прикрыла уставшие от непривычного освещения глаза, а потом...

Потом меня разбудил полковник, потому что под монотонную непонятную болтовню я умудрилась крепко заснуть на плече Гаранина. Что поделаться, сказывалась тревожная ночь в лесу. А здешнюю обстановку мое подсознание, похоже, считало гораздо менее опасной.

– Все в порядке, – успокоил Гаранин в ответ на невысказанный вопрос. Когда я прозевалась и поднялась на ноги, блондин опять выступил в роли проводника. – Этот рыжий – самый большой начальник наших егерей, – на ходу принялся рассказывать начбез. – Один из важнейших людей в городе, но я не понял почему. Кажется, он пасет не только дикую живность, но отвечает и за местных обитателей. Об этом они говорят очень неохотно. Нас поселят тут, неподалеку, в пустых жилых комнатах.

На этом ликбез пришлось прервать: идти оказалось совсем недалеко, до соседних панно в том же отсеке, а на месте блондинчик принялся показывать, что как работает. Не хотелось пропустить что-то важное.

Свет гас и загорался по хлопку – удобно. Желтые стены, такие же, как в общественных местах, подобной способности не имели. При необходимости даже можно было отрегулировать яркость каждого кристалла, для чего следовало гладить его снизу вверх или сверху вниз. Двери тоже открывались от прикосновения, кажется, работали на обыкновенном емкостном эффекте, как первые сенсоры. Комнатки нам достались одинаковые, типовые, неотличимые от комнаты начальника, разве что матовых шаров с креслами не было – их место занимали кладовки для вещей за очередными барельефными дверями.

Еще к каждой комнате «прилагался» санузел с душем. Немного странной конструкции и непонятной природы, с постоянно текущей водой, но вполне удобные.

Потом нас накормили. Гаранин проверил пищу и признал ее пригодной. Какое-то мясо с неопределенной рассыпчато-рубленой субстанцией – не то лаком, не то овощем, не то грибами. Мне, честно говоря, было плевать: главное, на вкус оно оказалось прекрасно, особенно по сравнению с напавшим на нас редким зверем. Почти не соленое, правда, но это такие мелочи!

Посуда у местных тоже была своеобразной: светло-серая, цвета старого бетона, снаружи такая же шершавая, а внутри – как будто отполированная. И очень легкая, словно из какого-то пенопласта. Глубокие полусферические миски, такие же чашки без ручек – пиалы, как подсказала лингва. И все, никакой другой посуды, они даже ложками не пользовались.

После еды нам предложили отдохнуть, пообещав позаботиться об одежде на первое время. И когда мы остались вдвоем, полковник наконец удовлетворил мое любопытство и здорово обнадежил.

Фантазии о перемещении в пределах нашего рукава Галактики оказались совсем не бесплодными. Города-муравейники и паукообразный транспорт напомнили Гаранину пейзажи планеты, открытой совсем недавно, буквально полгода назад, и еще толком не обследованной. Он видел их изображения в информационных сводках «для служебного пользования», к которым имел доступ и которые по старой памяти регулярно проверял.

Где именно находилась планетная система, начбез, правда, не вспомнил, но это почти не расстроило. Главное, на орбите сейчас должен был висеть большой

исследовательский корабль. И перед самым входом в катакомбы Гаранин запустил зонд, который испускал сигнал SOS и сообщение о том, кого, откуда и как надо спасать.

Поручиться за достоверность этих предположений полковник, конечно, не мог, но я все равно почувствовала себя окрыленной. Даже несмотря на то, что по времени прогноз не слишком радовал: зонд, хоть и надежный, и долговечный, с подзарядкой от солнца, отличался малой мощностью и дальностью связи. Исследовательский корабль, конечно, регулярно менял орбиту в соответствии с рабочей программой, но наткнуться на наш маячок мог и через месяц, и через год.

Верить в ошибку относительно планеты я отказалась сразу, все-таки особые приметы у нее были весьма яркими. И версию параллельной Вселенной тоже решительно отбросила. Может, «подберу» потом, когда станет ясно, что нас никто не заберет. Года через два. Не местных, сколько бы они тут ни длились, а стандартных, земных.

Однако даже при всем этом «оптимизме» было очевидно, что нужно обживаться на новом месте и налаживать контакт с аборигенами. Благо приняли они нас весьма радушно. Правда, о себе многое не рассказывали, просто уходили от разговора.

Но и о нас, что странно, почти не расспрашивали – откуда взялись, почему, зачем. Мельком поинтересовались гаранинской броней, но когда услышали, что это такой костюм, спокойно закрыли тему, хотя продолжали поглядывать настороженно. О работе полковника тоже не расспрашивали, ни в каком шпионаже или чем-то еще подобном не подозревали. Удовлетворились ответом, что он охранник, а моя биография и род занятий аборигенов тем более не интересовали. Главное, что их волновало, это наши с начбезом взаимоотношения и наличие общего потомства, и, когда полковник честно ответил, что никаких отношений нет, местные заметно повеселели.

У них впрямь оказалось очень мало женщин, хотя точную цифру полковнику не назвали, сделав вид, что не поняли вопроса. Такой дисбаланс, мягко говоря, озадачивал. Как они вообще выживают?!

На этот вопрос егеря тоже внятно ответить не смогли. Или не захотели. Утверждали, что это нормально, что они всегда так жили и детей рождалось достаточно. Да-да, это совершенно не вредит здоровью женщин, благодаря слиянию их силы поддерживают выбранные мужчины. Каким образом? Местные не объяснили, а моих познаний в биологии явно не доставало.

Еще один кирпичик в стену настороженности. Женщин мало, работать они, судя по всему, не работают, постоянно рожают и, похоже, занимаются только домом. Не самая радужная перспектива.

Нет, теоретически я неплохо отношусь к детям и даже согласна на парочку лет так через десять-пятнадцать. Но что-то подсказывало: местное «много» – это существенно больше двух. Если исходить из соотношения женщин и мужчин один к десяти – то не менее полутора десятков для нормального восполнения численности.

Гаранин попытался расспросить про слияние, предчувствуя мой интерес, но эта тема тоже оказалась неблагоприятной. Аборигены лишь мечтательно закатывали глаза и говорили про единение на всю жизнь, про детей, про семью, про... короче, по охам-вздохам полковник предположил, что это нечто вроде института брака, только в более древнем, нерасторжимом смысле, а не как у нас сейчас. То есть один раз, священо и навсегда. И, похоже, местные мужики все без исключения мечтали о таком счастье – быть выбранным для слияния какой-нибудь женщиной. Причем какой именно – без разницы.

Высокие отношения, м-да.

– Как думаешь, они говорили правду? – спросила я, когда полковник поделился добытыми сведениями.

– Да черт знает, – неопределенно пожал он плечами. – Вроде да. Но этот перекося численности выглядит слишком уж неестественно.

– Хорошо еще, что у них тут не единственная матка, как у муравьев! – возразила я. – А то при виде здешней архитектуры хочешь не хочешь – вспомнишь насекомых. Я, конечно, тот еще специалист, но что-то не припомню подобного у гуманоидов. Нет, ну бывали всякие пещерные города, но чтобы высокоразвитая цивилизация жила в муравейнике?! Сюда бы толкового ксенолога!

– Если я правильно определил планету, то он где-то здесь есть, и не один, – пожал плечами Гаранин. – Ладно, ложись-ка спать, а то глаза слипаются.

– Я хотела сначала помыться, – опомнилась, поднимаясь с дивана, на котором мы сидели. Шагнула в сторону уборной, но на полпути обернулась. – Захар, не подумай чего-нибудь эдакого, но можно мне спать с тобой?..

– Нужно, – спокойно кивнул полковник. – Иди в душ, потом я схожу.

Теплый душ добавил хорошего настроения и надежды на лучшее, хотя выползла я из него, засыпая на ходу. При этом без особого удовольствия куталась в собственный грязный халат, накинутый на голое тело. Белье развесила сушиться в санузле, и присутствие полковника меня на этом этапе нашего знакомства уже не беспокоило: взрослый, нормальный мужик, вряд ли его можно смутить видом женского исподнего.

Когда я шагнула в комнату, Гаранин уже снял броню и остался в тонком нательном комбинезоне. В таком виде начбез с непривычки казался совсем мелким, особенно по сравнению с аборигенами. Защита придавала массивности, а так, худощавый, невыразительный, даже по человеческим меркам – ниже среднего роста. Не знаю уж, как он собирался противостоять аборигенам при такой разнице весовых категорий. С другой стороны, лично мне даже удобнее: смотрела на него все равно снизу вверх, но хоть не утыкалась носом в живот, как с аборигенами...

Где-то на этой мысли я и уснула, забравшись под пушистое легкое одеяло. Кровать оказалась потрясающе удобной, да и подушка – выше всяких похвал.

Не знаю, что с нами планируют сделать местные, но даже если соберутся принести в жертву – умру я счастливой.

Глава 4

Культурный барьер

Имена у местных все-таки были. Блондина, который с самого начала вдохновенно нянчил нас и учил языку, звали Нурием, его начальника – Марием.

А больше никого, кроме этих двоих, мы за прошедшую пару дней не видели, причем старший из мужчин заходил лишь изредка, больше помалкивал и наблюдал. У меня сложилось странное впечатление, что Нурий намеренно так все устроил, причем с единственной целью: обаять меня.

Тактика на удивление приносила плоды. Я привыкла, перестала от него шарахаться и вскоре нашла эти два метра рельефной мускулатуры весьма... милыми. Причем совсем не из-за внешности, а потому, что ко мне Нурий относился с подкупающим восхищением, как к произведению искусства или реликвии, и буквально трепетал от волнения и радости каждый раз, когда я ему улыбалась.

Страх перед егерем прошел достаточно быстро и сам собой. А потом мы обсудили напугавший меня инцидент и окончательно его замяли: Нурий очень горячо и искренне извинился за несдержанность в момент прибытия. Мол, уж очень я ему понравилась. После такого признания обижаться и бояться было уже неуместно, тем более что ничего плохого мужчина не сделал. Ну перевозбудился парень с непривычки, ладно, на первый раз можно простить.

Гаранин задумчиво хмыкал, наблюдая за нашим общением, и порой достаточно недобро поддевал Нурия. Но тот издевки просто не понимал, так что я со своим заступничеством не лезла, хотя парня становилось жаль: это походило на избиение младенца, пусть и моральное.

А если не считать интереса Нурия, знакомство с окружающим миром происходило спокойно и размеренно.

Местные сутки оказались на три часа длиннее земных, а год – дольше почти в два раза. Выяснилось, что аборигены живут на удивление долго, в пересчете на земные – в среднем лет по сто двадцать, то есть чуть меньше современных землян. Открытие это еще немного примирило нас со странностями местного населения. Большая продолжительность жизни, низкая смертность и женщины, рожаящие по двадцать детей без особого вреда для здоровья, – это, кажется, вполне компенсировало пугающий половой дисбаланс.

Кстати, про количество детей – это уже мои домыслы, тему рождаемости оба наших партнера по контакту обсуждали неохотно, ограничиваясь уклончивым «достаточно», и сразу же перескакивали на пропаганду слияния. Увы, настоять на ответе у нас не было никакой возможности, оставалось молча скрипеть зубами и в очередной раз выслушивать, как это прекрасно, какое это счастье и как Нурий мечтает, чтобы я согласилась испытать это удовольствие с ним. Потому что заткнуть токующего о прекрасном аборигена тоже не получалось: говоря о слиянии, он просто ничего не слышал.

Слияние их, к слову, тоже странный выверт природы. При таком численном перекосе куда логичнее было ожидать полигамии и свиты из нескольких самых интересных ей мужчин рядом с каждой женщиной. А у них – наоборот, в почете беспримерная верность.

Гаранин за это время существенно обогатил словарный запас. Если поначалу он почти все понимал, но отвечать мог только короткими репликами, то теперь болтал бегло, даже произношение подтянул. Я тоже делала успехи в освоении языка, уже могла сносно общаться, но уверенности полковника еще не достигла. Что значит опыт и высокие технологии!

За пределы комнат нас не выпускали. Уверяли, что это временно и дело в нашей неподготовленности и незнакомстве со многими очевидными для местных вещами.

Я подозревала, что это дело рук Нурия, который пытался избежать конкуренции в борьбе за меня. При необъяснимом попустительстве начальника, который видов на чужачку, кажется, не имел. Полковник ехидничал и советовал помнить, что мир не вертится вокруг меня. Ему в происходящем виделся какой-то заговор.

– По-моему, у тебя уже профессиональная паранойя, – заметила я вечером второго дня, когда Нурий и Марий ушли, а мы остались вдвоем. – Аборигены кажутся вполне дружелюбными и даже безвредными. Да и вообще, зачем им вокруг нас так увиваться, если они даже информации никакой добыть не пытаются? По-моему, им просто плевать, что мы инопланетяне.

– Вась, ты как будто никаких триллеров про контакт с чужими цивилизациями не смотрела, – скептически хмыкнул Гаранин.

– Хочешь сказать, они все правдивы? Обычно «основано на реальных событиях» сводится к тому, что кто-то где-то нелепо убится, а буйная фантазия сценариста сделала из этого голофильм на три часа, – насмешливо высказалась я. – Да ладно, не косись так снисходительно. Я прекрасно понимаю: доверять местным неразумно, со мной играет злую шутку их похожесть на людей. Но ты явно в другую сторону перегибаешь... или нет? – осеклась наконец под насмешливым взглядом полковника. – Или ты знаешь о них больше, чем рассказал?

– О них – нет, и триллеры обычно сильно преувеличивают. Но ни один внезапный контакт не обошелся без проблем, а зачастую – трупов первопроходцев. Думаешь, вокруг каждой новой планеты ради удовольствия такие пляски устраивают?

– Я ни о каких кучах трупов не слышала, – призналась задумчиво.

– В правительстве считают, что предание огласке таких случаев грозит чуть ли не геноцидом для инородцев, – пожал плечами Гаранин. – А по мне – так лучше пусть боятся, чем лезут новые миры открывать.

– То есть уголовная ответственность за высадку на планеты, не внесенные в Зеленый лист, их не останавливает, а пара страшилок заставит передумать? – скептически хмыкнула я.

– Нет. Но если бы их еще разрешили не спасать!.. – размечтался полковник.

О том, что нам может грозить наказание за нарушение упомянутого закона, я не беспокоилась. Там речь шла о сознательной высадке, а не о падении терпящего бедствие корабля и уж тем более – не о неконтролируемом перемещении с помощью экспериментальной установки. Пожурят, конечно, но и только.

– Ну ладно, положим, меры эти оправданны, но ведь не всегда незапланированные контакты оборачиваются трагедией! Почему ты думаешь, что сейчас мы все еще в опасности?

– Считаю это чутьем и жизненным опытом, – проворчал начбез. – Не нравятся мне некоторые особенности их культуры. Слишком странные для высокоорганизованных разумных существ.

- Например? – озадачилась я.

- Отсутствие интереса к нашей цивилизации, вообще ко всему, что лежит за пределами знакомого им мира. Любой из известных разумных видов нас бы уже наизнанку вывернул, но выяснил цели визита, численность, вооружение, намерения. А они даже вопросов таких не задают, только на наши отвечают. Иногда. Вообще спектр тем для разговоров очень узкий. Причем попытки затронуть какие-то другие вопросы вызывают странную реакцию, ты не обратила внимания?

- Я их еще не так хорошо понимаю. Но вроде они просто меняют тему, нет?

- Не просто, а безо всяких эмоций. Как попытка программы выполнить недопустимую операцию: короткая пауза на обработку запроса, а потом резкий переход к чему-то понятному.

- Хочешь сказать, они роботы? – опешила я.

- Заманчиво, но – зачем? – развел руками Гаранин. – Роботов должен создать кто-то и с какой-то целью, и я что-то не вижу подходящей. В эту версию не укладывается питание местных и некоторые другие потребности, но отбрасывать ее совсем не стоит. Проверять надо.

- Это все? – хмуро уточнила я.

- А тебе мало? – Полковник усмехнулся. – Поехали дальше. Напрягают местная архитектура и полное отсутствие выраженной классовой розни вместе с понятием роскоши. Единственный показатель статуса – наличие женщины. Различия нет ни в жилых комнатах, ни в одежде. Может, нам, конечно, ничего не показывают как чужакам, но не могут же они совсем не стремиться выделиться? Прически абсолютно одинаковые, одежда тоже. Даже если они военные и у них тут война и осада идет вовсю, все равно хоть какая-то разница должна быть! Мундир генерала в любой культуре отличается от мундира рядового – не внешне, так хоть материалами. А тут всеобщая уравниловка. Про военное положение это я условно, не бойся. Не похожи они на людей в осаде.

- Может, это реальная антиутопия? Или, наоборот, утопия? – все же включилась я в обсуждение. – Например, после какой-то катастрофы они решили изжить все

человеческие пороки, начиная со стремления к этой самой роскоши. Но перестарались и изжили заодно исследовательское любопытство.

– И что, думаешь, извели естественным путем? – хмыкнул он. – Уговорили всех людей? Воспитали?

– Вряд ли, – я качнула головой. – Но я пока не видела у них ничего, похожего на устройство для регулярного промывания мозгов, и вещества они никакие подозрительные не употребляют, а еду ты проверял. Может, они изменены на генном уровне? Или достаточно одной процедуры?..

– Может, так, вариантов уйма. Излучение, например. Ты как физик должна больше в этом понимать.

– Как физик я знаю только, что электромагнитным воздействием на мозг можно добиться много чего интересного. А точнее не скажу. Говорю же, я не по живому. Ладно, и что нам со всем этим делать? – Я вопросительно выгнула брови.

Испугаться по-прежнему не получалось, несмотря ни на что. А вот любопытство грызло все настойчивей.

– Надеяться на генные изменения, – отозвался Гаранин. – Или на то, что они изначально вот такие. Или еще на что угодно, вариантов масса. Идти-то пока некуда. То есть можно попробовать вернуться в лес, только это еще глупее и рискованней, чем оставаться тут. У меня даже аптечки внятной нет, а ты совсем не приспособлена к дикому выживанию. К тому же нет уверенности, что мы правильно определили планету и шансы на спасение объективно существуют, а болтаться по лесам всю оставшуюся жизнь – мрачная перспектива. Оставим побег на крайний случай, если заметим признаки изменений.

– Согласие остаться, невзирая на риск, это не признак? – спросила я полушутя.

Возвращаться в лес очень не хотелось, Гаранин сказал правду: не приспособлена я к такому.

– Теперь ты ударились в другую крайность, – развеселился полковник. – Нет, не признак. Мы сюда изначально шли с многочисленными подозрениями. Я – точно. Ладно, хватит голых теорий. Отбой. Завтра экскурсия, может, что-нибудь ценное узнаем.

Мы по-прежнему спали в одной комнате, как в первую ночь: обоим так было спокойнее. Гаранину за меня, мне... тоже за меня. А что – люди взрослые, стесняться нечего, да и кровать достаточно широкая, чтобы лишний раз не пересекаться.

Я улеглась и еще долго ворочалась, обдумывая слова мужчины. Странностей в местных действительно полно, и далеко не все их полковник упомянул.

Например, галиги, те матовые шары в комнатах. С их помощью местные общались на больших расстояниях и управляли, как они выразились, «некоторыми процессами в городе», но подробностей мы не получили – даже минимальных, даже на бытовом уровне. И это вызывало вопросы. У нас самый непросвещенный в технических вопросах человек сможет вспомнить хоть про радиоволны и биоэлектронику, пусть и никогда не объяснит, как именно это работает. А галиги у местных просто были. И все. Вопросов о принципах работы аборигены категорически не понимали.

Гаранинский переводчик, кстати, не сумел подобрать внятный аналог этому понятию. Впрочем, это ничего особенного не значило: у лингводекодеров всегда проблемы со сложной техникой, даже при почти полном функциональном соответствии. И еще с эмоционально-чувственной сферой, такой вот парадокс.

Может, именно через галиги аборигенов и зомбируют? Тогда хорошо, что нас до них не допустили. Хотя и странно: казалось бы, самый удобный выход и способ нас завербовать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tn.knigapoisk.com/ru/kuznecova_dar-ya/obrazcovyy-samec

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)